

ДАРЬЯ БОБЫЛЁВА
ОЛЬГА ЕСАУЛКОВА
МАРИНА КРАМСКАЯ и К°

Удивительные истории

ведьмах

**Ольга Есаулкова
Дарья Леонидовна Бобылёва
Марина Ильинична Крамская**

**Удивительные
истории о ведьмах**

Серия «Удивительные истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67825560

Удивительные истории о ведьмах:

ISBN 978-5-17-147074-6

Аннотация

Сколько мифов ходит о ведьмах: они убивают и воскрешают, излечивают смертельные раны, исполняют желания и забирают молодость.

Какие же они на самом деле?

Вокруг Чернотопска витает много слухов, и Маргарита должна их проверить.

Действительно ли можно убить словом? Как подружиться с лешим и выменять ребенка у кикиморы? Сколько стоит воскрешение? Какой запах у ненависти и зачем озеру Хранитель?

Юле нужна живая вода. Дочка Тани уходит на болото, и ничто уже не будет как прежде. Рядом с Анжелой умирают люди, а Лика попадает в рабство.

Их истории не похожи друг на друга, но все они – о силе, за которую приходится платить.

Грустные и смешные, счастливые и пугающие, но всегда – человеческие.

Содержание

Марина Крамская	6
Глава 2	15
Марина Крамская	20
Глава 3	49
Тимур Климов	52
Глава 4	67
Ирина Векка	69
Глава 5	99
Ольга Есаулкова	103
Глава 6	130
Наталья Глазунова	133
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Удивительные истории о ведьмах

© Авторы, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Марина Крамская

Глава 1

Здесь не останавливаются поезда

До того звонка Илья вовсе не собирался сдавать свою единственную квартиру, в которую к тому же прочно врос со всеми вещами, телевизором и котом. Но дверной звонок прозвенел незадолго до полуночи, резкий и визгливый, каким и полагается предвещать дурные вести.

– Приеду завтра, останусь на неделю, – с ходу сообщил смутно знакомый женский голос. – Надеюсь, у тебя есть свежее постельное белье и кофеварка. Кстати, патефон в порядке?

По тому, как уверенно она распоряжалась его будущим, Илья понял, что они знакомы. Правда, при каких обстоятельствах это произошло, он вспомнить не смог, но переспросить не решился.

– Порядок, – уверенно ответил Илья. – Приезжай... те.

Кот смерил его неодобрительным взглядом: мол, ты на что подписался, дурень? Какая-то женщина звонит посреди ночи, а ты блеешь как баран перед закланием. Стыд!

Утром в дверь постучали еще затемно. Илья кое-как оделся, босиком прошлепал по клейкому линолеуму и заглянул в глазок. В полумраке угадывался силуэт женщины, высокой

и худой. Открывать ей совершенно не хотелось, но рука сама сдвинула защелку и пустила раннюю гостью за порог.

От нее веяло холодом и морем. Пальто с серебряными пуговицами добавляло плечам этой женщины ширины, но под ним она оказалась хрупкой и немного угловатой. С собой гостя принесла осеннюю сырость и потертый кожаный саквояж, из которого вызывающе торчал штатив для фотоаппарата.

– Прости, что рано, – извинилась женщина без малейшего раскаяния в голосе. – До вас сложно добраться.

Лицо ее узнавалось, но с трудом, как будто принадлежало сразу нескольким знакомым Ильи. Строгий взгляд, которым обычно одаривала его мама, стальные глаза – прямо как у его сестры, бабушкины тонкие поджатые губы. Определенно родственница, но как же её зовут?..

– Да, – кивнул Илья, продолжая копаться в памяти. – У нас тут место не туристическое, даже гостиницы вон ни одной толковой нет, никто не приезжает. А ты к нам какими судьбами?

– По работе, – сухо ответила гостя. – Я – журналист или, правильное сказать, блогер. О вашем городе слухи интересные ходят – вот, приехала проверить, правда или выдумки.

Илья напрягся. Настроение у него отчего-то сразу упало, хотя никакие особенные слухи до него не доходили. Ну, бывали, конечно, странности, а где их нет? В остальном же город как город, жизнь еле течет, без всплесков и порогов, рус-

ло у нее ровное, пологое. И чего эта родственница задумала здесь раскопать? Наверняка какую-нибудь дрянную историю для желтой газетки.

– Нет у нас ничего интересного, – вяло буркнул Илья. – Только время зря на дорогу угрохала.

Гостья не ответила, отодвинула хозяина квартиры в сторону и прошла в единственную комнату. Скептически осмотрела сбитую в угол дивана несвежую простыню, пушистые от пыли книжные полки и комки носков, заброшенные под шкаф.

– Конура, – брезгливо поморщилась она.

Илья насупился, но не возразил. Выставить бы ее за порог, со всем багажом высокомерия и надменности, да только потом наверняка мать взбаламутится, мол, родню не привечаешь, плохо. А мать расстраивать не хотелось.

Из саквояжа на разостланный диван легли фотоаппарат, два чехла с объективами, косметичка с брякнувшими склянками и грампластинка в картонном квадрате, которую гостья поспешила избавить от жесткого футляра. С пластинкой в руках родственница приблизилась к святилищу: трехуровневой этажерке, которую венчал патефон с сапфировой иглой. В отличие от остальной мебели, на гладкой черной поверхности этажерки не было ни пыли, ни разводов. Уложив винил под иглу, гостья осторожно тронула механическую ручку. Захрипело, зажужжало – и резко, будто прочистив горло, патефон запел «Аиду», чисто и пронзительно.

– Останусь, – решила гостья, обернувшись к Илье. – И заплачу. Скажи – сколько.

– Да не надо, – запротестовал Илья, хотя никаких сбережений на съём другого жилья у него не было.

– Ты не рыцарь, – холодно заметила гостья. – А я не приживалка.

Со дна саквояжа родственница достала кошелек, из которого отсчитала шесть рыжих купюр, протянув их Илье.

– Бери, – строго велела она.

Илья сам не понял, как протянул руку и забрал плату, от которой планировал твердо отказаться. Взглянул в пепельно-серые глаза незваной гостьи и подумал, что бог с ней. Пусть живет здесь хоть месяц, хоть год. Он сам перекантуется у мамы, раз дело семейное.

– Кота оставь, – предупредила гостья, когда Илья с наскооро собранной сумкой потянулся к переноске.

Кот, впрочем, не возражал, а запрыгнул на спинку кресла и мигал оттуда зелеными семафорами глаз. Илья помедлил на пороге и, чувствуя себя в сомнительной безопасности, все же спросил:

– Прости, я забыл, как тебя зовут?

– Маргарита, – ответила женщина. – Спасибо, что выручил.

Илья покивал, прижал к груди сумку. Дверь за ним захлопнулась, и он побрел вниз по сколотым ступеням.

Маргарита, Маргарита... Ничего не приходило на ум. Что

же за слухи ей интересны? Глупостей много болтают, но из самых популярных – про поезда. Мол, хоть и есть платформа на вокзале, а сойти на нее невозможно. Несутся составы без оглядки как от чумы.

Раньше Илья думал, что туристам здесь просто нечего делать – слишком обычный у них городок. А теперь вдруг поймал себя на мысли: ни к кому из знакомых ведь даже друзья не приезжали. Бывало, возвращались упорхнувшие в столицу дети – те, у кого ни с семьей, ни с работой на новом месте не сложилось, но и то была редкость.

Вот даже к самому Илье, сколько ни звал, не приезжали – то заболеют, то какой-нибудь младенец родится. Сам Илья пару раз бывал в столице, но в «конуре», как выразилась Маргарита, ему жилось приятнее. Зря он ее пустил, конечно, да еще и кота ей оставил. Напишет теперь про их город не бог весть что.

Это же глупости, про поезда. Просто из всех достопримечательностей у них библиотека да пожарная часть. Вот и не едут за такими-то сокровищами, что удивительного?

Маргарита, Маргарита... Что-то теплело в груди от одной этой звонкой череды звуков. Сидя на остановке, Илья набрал номер матери – предупредить.

– Кто? – удивилась та, посвистывая заложенным носом. – Не помню такую.

Илья вдруг пожалел, что рассказал о незваной гостье. Квартиру он бы все равно ей уступил – ведь было у них что-

то общее, *кровное*, понятное только им двоим. Теперь же сомнения, точившие его исподволь, укрепились.

— А-а-а, — вдруг опомнилась мама. — Маргоша, вспомнила! Бабы Любы племянница. Молодец, что помог.

К остановке подкатил тряский дымящий автобус, полный утренней людской каши, и пришлось разговор отложить. Илью вжали щекой в дверь, он еле дышал, но не мог отделаться от одной навязчивой мысли.

Он точно знал, что никакая она не племянница ни бабы Любы, ни тети Светы, но зачем-то уезжал из своей квартиры с одной наспех собранной сумкой, хотя еще вчера ничего подобного не задумывал. Но так было нужно. Стучало молоточками в висках: нужно, нужно. А когда перестанет быть нужно, он вернется.

Ничего странного в их городе не случалось. До этого дня.

* * *

Марго перевернула пластинку и бережно вернула на край иглу. Запахом свежего кофе удалось сбить кошачий дух. На столе лежал выведенный круглым почерком список имен. Семнадцать. Каждому найдется, что рассказать.

Никого из них Марго еще не знала. Но они получают приглашения и, конечно, придут. Им попросту некуда деваться.

Дешевый кофе не скрасили ни молоко, ни сахар. Марго бескомпромиссно вылила в раковину целый кофейник, вер-

нулась к патефону. Как можно иметь такой роскошный аппарат – и не иметь пристойного кофе? Хозяин «конуры» ей сразу не понравился, но он был одинок, невыдающегося ума, к тому же тюфяк. Меньше вопросов – меньше оправданий.

В дверь неожиданно забарабанили кулаками. Марго открыла дверь: на пороге стояла пожилая аккуратненькая старушка.

– Что вы себе позволяете? – взъерилась соседка. – Люди отдыхают, а от ваших рулад оглохнуть же можно!

– Два часа дня, – напомнила Марго. – Имею право хоть на ушах стоять.

– Ничего подобного! – возмутилась старушка. – У нас тут заведенный порядок, шуметь нельзя! Никогда! Ни в два, ни в шесть, ни в двенадцать!

– Закон есть закон.

– Я здесь закон. – Голос у старушки посуровел, стал гулким и объемным, словно они вдруг оказались под каменным сводом, – и, если не хочешь неприятностей, выключай свою шарманку. Немедленно.

Марго чувствовала, как электризуется воздух: шевельнись – и вспыхнет молния. У соседки дрожали руки, под морщинистой кожей вздулись вены, а по ногтям пошли еле заметные трещинки. Можно было подумать, что, если музыка сейчас же не иссякнет, старушка обрушит весь дом.

Этого нельзя было допустить.

Марго неуловимым движением поймала соседку за руку

и крепко сдавила ее пальцы. Патефон в квартире, будто в насмешку, запел громче и раскатистей.

– Не нужно нервничать, – не спуская глаз со старушки, процедила Марго. – Я пробуду здесь неделю, а вы потерпите. И поберегите силы, не тратьтесь впустую. Возраст ведь, здоровье уже не то, что раньше, верно?

У старушки вытянулось лицо. В близоруких глазах замесались вопросы, но вырвался из них лишь один:

– Кто вы такая?

– Я – журналист, – пояснила Марго. – Сделаю репортаж о вашем чудном городке и умою руки. Не мешайте мне, и все будет хорошо. Или по крайней мере не хуже, чем было.

Старушка облизнула сухие дрожащие губы, высвободила руку и опрометью кинулась к лестнице.

Марго закрыла дверь, подперла ее спиной и тяжело задышала. Зря она так сразу. Этот город настроен враждебно. Этот город ее не ждал. Здесь варится собственное зелье, которому не нужны незнакомые элементы. Он закостенел, он, как затонувший корабль, так прочно оброс моллюсками, что разломать этот панцирь будет непросто.

И нужно ли?

Марго вернулась к столу и от руки написала семнадцать одинаковых писем. На пятом ее заколотил озноб – пришлось согреть чай.

Что она узнает от них? И не придется ли пойти на крайние меры, если правда окажется слишком... неприемлемой?

Игла соскользнула с пластинки, но Марго не встала ее поправить. Вместо этого она засучила рукава и взглянула на перламутровые переливы татуировок от запястий к локтям. В полумраке выбитые на коже руны мерцали, принося иллюзию спокойствия.

Безымянный кот вспрыгнул ей на колени.

– Думаешь, у меня получится? – спросила у него Марго. Кот утешительно замурчал. Что ж, один союзник найден. Можно приступать.

Глава 2

Грязная вывеска на облупившемся фасаде не давала никаких надежд. Марго с саквояжем в одной руке и патефоном в другой разглядывала стертые временем и ветром буквы. Если здесь когда-то и кипела жизнь, это было давно.

Марго остановилась напротив безликой двери. Сквозь мутное стекло угадывалась лестница в подвал. Марго надавила на ручку – та не дрогнула. Надавила сильнее – предостерегающий скрежет. Татуировки на руках нагрелись и неприятно зудели. С третьей попытки дверь поддалась – и распахнулась в темное прелое нутро.

Едва Марго переступила порог, над головой захлопали крылья – и крошечная птица, не больше синицы, выпорхнула наружу, стряхнув паутину с перьев. Пыльный ковер, устилавший лестницу, скрадывал шорох шагов. В полостях кирпичной кладки горели настоящие свечи. Их свет выхватывал из темноты картины в тяжелых золоченых рамах, полированные перила черного дерева и резные балясины со знакомым Марго рунным орнаментом.

Внизу оказалась тяжелая дверь. Потянув ее на себя, Марго поглубже вдохнула и зашла внутрь.

Играла тихая музыка. В тусклом свете за барной стойкой человек в старомодном бархатном сюртуке полировал бокалы. Он поднял взгляд на гостью и невыразительно поинтере-

совался:

– Кофе?

Марго кивнула и прошла внутрь бара.

Камера прочно встала на треногу, круглым глазом глядя в стену напротив. На стол Марго выложила блокнот и шариковую ручку, забрала у бармена чашку кофе и в довершении водрузила на полку в угловом шкафу патефон.

– Я поставлю свою, если не возражаете, – обратилась она к бармену.

– Как вам угодно, – буркнул тот недовольно, и музыка, звучавшая прежде, тут же стихла, будто подслушала их разговор.

Из саквояжа, встряхнувшись, выбрался кот, легко вспрыгнул на стойку и улегся, разметаив хвостом ворох зубочисток. Марго, так и не тронув кофе, вновь вернулась к стойке и выразительно взглянула на ряды бутылок за спиной бармена.

– Посоветуете что-нибудь? – попросила она.

– Откуда мне знать, что вам по вкусу? – Бармен заметно разозлился. – Я ведь впервые вас вижу.

– Тогда я предпочту самое выдержанное из того, что здесь есть.

Сопровождая каждый шаг раздраженным бормотанием, бармен вытянул из темноты пыльную бутылку с потертой этикеткой. Взвесил на руке, будто примеривался к броску, и сдвинул брови.

– Странно.

– Что-то не так?

– Не помню, чтобы кому-то наливал из нее. – Бармен на свет разглядывал темно-янтарное стекло. – Но в ней, кажется, почти ничего не осталось.

– Меня вполне устроит, – поспешно забрала бутылку Марго.

Не успела она притронуться к пробке, как на лестнице слышались мягкие шаги.

– Еще один кофе, – попросила Марго, когда в тяжелую дверь постучали и в подвал юркнула худенькая девушка с испуганными глазами.

В руках она сжимала конверт, подписанный круглым почерком.

– Я... – начала она, изумленно оглядываясь. – Я правильно пришла?

– Садись. – Марго повелительно махнула рукой в сторону кресла, на которое целилась ястребиным оком камера на штативе.

Девушка помялась, крепче сжимая конверт, но подчинилась. Музыка действовала на нее завораживающе, музыка вела ее к креслу и обещала не выдать, не навредить.

– Меня зовут Маргарита, – представилась Марго, усаживаясь возле камеры.

– Юля, – робко ответила девушка. – Мне доставили это... Она запнулась, глядя на конверт, но продолжила, задумчиво озираясь:

– Какое странное место. Я думала, этот дом отдали под снос.

– Отдали, – подтвердила Марго. – Но что-то напутали с бумагами, и снос отложили.

– А я вам зачем понадобилась? То есть я хочу сказать, – Юля заметно разволновалась, – мы же с вами прежде не встречались?

– Нет, – мягко улыбнулась Марго. – Видишь ли, я приехала в ваш город, потому что о нем ходят разные слухи. Мол, странности происходят с людьми, необъяснимые явления. Ты ничего об этом не знаешь?

Юля дернулась, отвела взгляд, силясь не выдать правду. Но опоздала – правда уже сверкнула в воздухе серебряной молнией.

– Я... Нет. Со мной всё в порядке!

По тому, как резко и почти отчаянно она выкрикнула это, им обоим стала очевидна ложь.

– Есть вещи, которые не скроешь, – тихо сказала Марго. – Как нарывы. Чем быстрее избавишься, тем будет легче.

Юля начала медленно раскачиваться в кресле, сминая письмо. Музыка пьянила её, туманила и слепила, хотя сама она этого еще не понимала.

– Просто это... личное, – выдавила Юля бессильно.

– Никаких имен, – пообещала Марго. – Только история.

Ей было жаль эту потерянную девчонку, сердце и разум которой еще сопротивлялись музыке, но слабели с каждым

вдохом. Но так нужно: ее осколок правды поможет увидеть всю картину.

Игла на патефоне перепрыгнула на следующую мелодию. Юля положила на колени измятый конверт, переплела пальцы и, глядя в блестящий глаз камеры, заговорила...

Марина Крамская

Мы за тобой

...а ведь когда-то все было совсем по-другому.

От запаха хлорки жгло глаза, поясницу ломило от усталости. Юля с трудом распрямилась, обмакнув швабру в мутную воду. Никогда не думала, что к тридцати так обессилет, но каждый день как будто шел за два. И по утрам ей все меньше хотелось смотреть в зеркало.

Кто-то задел локтем, пробежал мимо – не извинившись, не заметив. Обычное дело. Юля отжала воду со швабры, оставила блестящий улиточный след на линолеуме.

– Эй! – окликнули со спины. – Вы новенькая?

Вечное «эй», ее первое имя.

Юля обернулась. Заведующая отделением хмурила густые брови. Конечно, ей было не по себе: что-то скреблось у нее в памяти как назойливый мотивчик, к которому не вспомнить слов.

– Да, – ответила Юля, разменявшая второй десяток лет службы в этой больнице.

Заведующая досадливо потеряла кончик носа. Юля и раньше замечала, что у людей вечно свербит в носу, когда они пытаются ее вспомнить. Пытались, конечно, немногие, но у заведующей была феноменальная память. Все диагнозы

хранились в ней как в картотеке, и, когда пациенты возвращались, благодарные, пять, десять лет спустя – заведующая каждого приветствовала по имени.

И только Юлина карточка вечно где-то терялась.

Мимо проковылял пациент: взглянул на Юлю, но не заволновался – мало ли как часто здесь санитарки меняются. Наверное, у предыдущей закончилась смена, а эта только заступила. Приветливо улыбнулся. Поздоровался с Юлей в третий раз за день.

...а ведь когда-то ее не забывали.

Юля продолжала тащить швабру – конец коридора приближался почти стремительно. Закончит здесь – и по палатам, а значит, к Сонечке. В груди потеплело, и даже поясницу перестало простреливать. На радостях плюхнула тряпкой по грязной воде слишком сильно.

– Эй! – возмутился пострадавший от брызг врач. – Осторожнее!

Юля покорно кивнула, буркнула извинения под нос, потащилась дальше. Дальше от знакомого медово-тягучего голоса. Надо же было умудриться: обрызгать того самого – хирурга-от-бога! Пять лет от его взглядов замирает сердце. Пять лет он щурится, разглядывая ее лицо, прежде чем поздороваться и сказать коронное «эй!».

...а ведь был же и у нее друг, вечно взъерошенный, с битыми коленками, заезжал по утрам на велосипеде, и они куда-то мчались, всё помня друг о друге.

Но то была как будто другая жизнь, взятая взаймы. В этой же, что предназначалась Юле, говорить с людьми она не то чтобы не могла – не видела смысла. Все равно завтра придется повторять по-новой. И оставались только те, другие...

– Голова весь день раскалывается, – пожаловался подошедший к постовой сестре хирург. – Чего только не пил, ни хрена не помогает. Мигрень, что ли?

Сквозь запах хлорки пробился приторный душок сырого мяса. Юля заозиралась: да быть не может! Чтобы этот пакостник забрел в город, да к тому же в больницу – где тут счастьем разживешься? И все же вряд ли ей почудилось: за десять лет научилась не ошибаться. В людях не разбиралась, но в этих... В этих, пожалуй, да.

Что-то шевельнулось: высоченная тощая фигура в белом балахоне до пят стояла у стены и лепила воздух шестипалыми руками словно сырую глину. Единственный болотно-зеленый глаз на лбу изучал хирурга, маленький черный язык обжегал два ряда игольчатых зубов.

Голодное. Еще бы! Небось, полдня из лесу сюда тащилось, хваталось за всех подряд, а радости так и не нашло. Да и в больнице лучше не стало, вот один только хирург расцвел перед отпуском. И тут же схватил мигрень милостью одноглазого Лиха.

...но какой же он все-таки был, этот мальчик с велосипедом? Теперь и не вспомнишь. Лицо как за царапаным стеклом, штрихами, и только глаза – четко: морские, с желтым

пятнышком, словно не хватило голубой краски.

Лихо не унималось, тянуло силы, и к сырому мясу при-
мешивался запах моря – видно, мыслями хирург уже нежил-
ся на песчаных дюнах. Никто вокруг не замечал чудовище у
стены. Никто, кроме Юли.

– Ты откуда здесь взялся? – зашипела она на Лихо. – Все
зверье в лесу, что ли, перевелось?

Лихо возвышалось над Юлей, нависало узкой тенью, на-
литый кровью глаз заметно пульсировал, рот кривился в без-
звучных проклятиях.

– Я отведу тебя домой, – стараясь не думать об игольчатых
зубах, пообещала Юля. – Но ты до заката от меня ни на шаг,
ясно?

Раздался угрожающий рык, потекла слюна из зубастого
рта. Юля не сдвинулась ни на сантиметр.

– Если совсем никак, ешь меня! – приказала она. – Но
никого вокруг больше не трогай, понял? Тут и так с радостью
негусто.

Лихо фыркнуло: что с Юли взять? Устала, забегалась –
счастливой ее никак не назовешь. И все же согласилось: Ле-
ший строго ему наказал Юлю слушаться.

...а ведь когда-то не было никакой нечисти, далекое теп-
лое детство, где она летела с горы на велосипеде за спиной
лучшего в мире друга и никто не стоял позади, невидимый
всем, кроме нее.

Пока Юля домывала коридор, Лихо понуро шлепало по

влажной дорожке из-под швабры, не оставляя следов. У последней палаты Юля долго не решалась войти. С годами уже примирилась с тем, что никто не может запомнить ее имя, да и в лицо не узнаёт, даже если говорил с ней пять минут назад. Ко всему привыкаешь. И Юля уже не спорила, не сопротивлялась, не искала причины. Но у каждого из нас есть что-то, на что невозможно закрыть глаза.

Вот и у Юли была Сонечка.

Все-таки решилась войти. На больничной койке у окна валялась, закинув ноги на изголовье, худющая девчонка с бесовскими глазами. Две недели назад, когда ее только привезли, в мокрой после купания одежде и с разбитым в кровь затылком, даже тогда она силилась улыбнуться. В ней так кипела жизнь, что один только глоток из этого бурлящего котла мог мертвого поднять из могилы.

Вот и Юля не могла напиться.

...с чего же все началось?

Лихо протиснулось следом и встало у двери, чуть привалившись костлявым плечом к косяку.

– Юля! – Сонечка мгновенно подскочила на кровати и заулыбалась. – Как здорово, что ты пришла! А меня обещали послезавтра выписать, представляешь?

Юля прислонила швабру к стене и села на табурет у больничной койки. Каждый раз, когда Сонечка звала ее по имени, из сердца вылетали искры. Было ли дело в травме или в самой Сонечкиной сути, но она помнила. Единственная во

всем мире. Если, конечно, не учитывать нечисть.

– Здорово, – постаралась улыбнуться в ответ Юля. – Голова больше не болит?

– Ну, бывает, – немного потускнела Сонечка. – Но ко мне тут даже профессор какой-то нагрязнул, меня аж два раза просветили и сказали, что всё, арривидерчи, дорогая, живи снова как человек!

Юля кивала, слушая ее болтовню, хотя в глазах потемнело, а виски пронзило болью – это оголодавшее Лихо не выдержало и присосалось.

– Да ты не расстраивайся, – заметила Сонечка переменившееся лицо санитарки. – Я буду к тебе забегать, два раза в неделю, по четвергам и субботам, договорились?

Конечно, Сонечка не могла оставаться здесь вечно. Ее ждали школа, родители, старшая сестра, которая точно так же не могла запомнить Юлино имя, чему Сонечка страшно удивлялась.

«Ну нельзя же быть такой бестолковой!», – возмущалась Сонечка, на что сестра только фыркала: кто вообще запоминает санитарок?

– А ты сегодня Дрёмушку покормишь? – спросила Сонечка, перевернувшись на живот. – Мне с ней так хорошо спится, даже не знаю, как дома буду.

Юля подошла к подоконнику и тихонько постучала по нему костяшкой указательного пальца. Из-за шторы тут же выглянула маленькая, с локоть ростом, старушка в вязаном

кардиганчике и круглых очках. Поваяло сдобой и корицей. Белые, как лебединый пух, волосы были стянуты в пучок, из кармана торчали крохотные спицы и шерстяная нить. Старушка улыбнулась Юле, обнажив такие же заточенные, как у Лиха, зубы.

– Здравствуй, Дрёма, – прошептала Юля.

– Ой, как здорово! – обрадовалась Сонечка, хотя и не могла видеть старушку. – Кататься мне сегодня верхом на единороге по сахарным холмам!

Старушка сипло рассмеялась. Пока Юля кормила ее, а она кочевала из палаты в палату, все шло неплохо. Дрёма знала толк в сновидениях. Сытая, она убаюкивала и сторожила детский сон, но голодная навевала такие кошмары, что вопли ужаса пролетали по всему этажу.

– Давай-ка руку, – велела старушка Юле.

Маленькая сухая ладошка крепко сжала Юлин палец и слышался тихий-тихий напев, будто читали молитву. Юля вздрогнула – палец словно глубоко кольнули иглой. Выступила капля крови. Дрёма выпила ее, причмокнув.

А Юле показалось, что ее выпили до дна. Вновь заломило поясницу и колени, из жара бросило в холод, сбило дыхание, словно марафон пробежала. Только в голове слепым мотыльком билась мысль: если Дрёма выпьет чужой крови, если заберет силы у Сонечки или у другого больного, им может не хватить на борьбу. А Юле хватит.

Она проверяла.

– Ух и сладенькая! – восхитилась старушка, облизнувшись.

У Юли отлегло от сердца: любить Дрёму она не любила, но и от нее был прок. Пусть после и оставалось ощущение, словно ее по рельсам раскатало, но зато никаких снов, никаких кошмаров – Дрёма тоже умела быть благодарной.

...что же было сначала: люди ли перестали ее замечать или нечисть появилась из ниоткуда?

Юля не раз над этим размышляла: считать ли всю эту нечистую братию утешением? Раз уж по какой-то причине все люди (если, конечно, не учитывать Сонечку) не могли ее запомнить, то хотя бы эти, неприкаянные, голодные, сердитые, но памятливые – с ними ведь было интересно. И они благодарили ее, кто как умел. Защищали, утешали. А были бы люди – они бы так смогли?

Дрёма прошаркала по подоконнику, неодобрительно покосившись на Лихо.

– Этот что тут забыл? – проворчала она, усаживаясь на спинку Сонечкиной кровати.

Юля повела плечом, мол, мне почем знать, делаю, что могу. Он со мной как на цепи. Только цепь что-то слишком давит сегодня.

– Ой! – вдруг вырвалось у Сонечки.

Юля обернулась и чуть не зарычала от злости: Лихо незаметно переместилось на кровать и мяло воздух возле Сонечкиного уха. По палате поплыл аромат сахарной ваты.

– Ах ты, зараза! – выпалила Юля, и Лихо испуганно отскочило к дверям.

– Ничего-ничего, – всполошилась Сонечка. – Со мной всё хорошо.

«Нет, до дома не доведу – убью раньше», – мстительно пообещала Лиху Юля.

Уходя, она услышала, как Дрёма завела колыбельную – тихую, мягкую как пух в перине.

...а может началось с того, что друг в одночасье исчез вместе с велосипедом и памятью о Юле, словно забрал с собой и то и другое.

* * *

Юля плелась по улице, рядом ковыляло повеселевшее Лихо, одним глазом выглядывающее в толпе слишком счастливых людей.

– Как ты вообще сюда добрался? – недоумевала Юля.

– Женщина... вкусная, – облизнулось Лихо. – Потом заблудился. Почуял – ты.

– Выплет тебе Леший, будь уверен. А если бы не нашел меня, так и застрял бы в городе?

Леший, хоть и шпынял Лихо за все его проделки, все же предпочитал держать паршивца под рукой.

– Я тебя везде найду.

Автобуса ждали долго: тот сначала опаздывал, а подъехав

к остановке, расчихался,дохнул черным дымом из-под капота и умолк. Юля укоряюще посмотрела на Лихо:

– С тобой далеко не уедешь.

Лихо поежилось, глаз у него забежал, двенадцать пальцев сплелись в замок. Одновременно раздался оглушительный хлопок и скрежет – на соседнем перекрестке тонированный внедорожник влетел в забор и выдрал его из земли с арматурой. Водитель заглохшего автобуса потер затылок: вот дела!

Юля взглянула на пристыженное Лихо.

– Ты знал, да? – спросила она.

– Знал, – кивнуло Лихо. – Леший сказал – тебя беречь. Не хочу в крапиву.

Юля, все еще ошарашенная миновавшей бедой, махнула в сторону парка: пешком, значит, пешком. Она сколько угодно могла злиться на выкрутасы Лиха, но его прозорливость дорогого стоила.

– Девочка, – неожиданно вспомнило Лихо, когда они свернули с проспекта сначала на щебенку, а затем на тонкую вьющуюся тропинку к лесу.

– Ты ведь ее не тронул? – строго спросила Юля.

– Чуть-чуть. – Лихо заметно приуныло. – Она умрет скоро.

Юля запнулась, грохнулась на колени, разорвала джинсы о камень. Лихо протянуло ей ладонь, но Юля могла только смотреть на него снизу-вверх.

– Ты?.. Что?

– Я видел, – досадливо развело руками Лихо.

Юля знала, что Лихо не умеет врать. А Сонечку только-только собрались выписывать. Выходит, что? Выпишут, вернется домой – а там...

– Расскажи! – потребовала Юля.

Лихо зашмыгало носом: видно было, что ему неприятно говорить об этом:

– Домой нельзя – не успеют спасти.

Юля замерла. Но что же делать? Предупредить врачей? Только кто ей, санитарке, поверит? И ладно бы той, что десять лет в больнице отпахала, но новенькой? Они ведь все поголовно считают ее новенькой, и не докажешь, что каждый день бок о бок ходят. Никто и слушать не станет!

– Попроси, – предложило Лихо неуверенно. – Он поможет.

Юлю передернуло. Идти на поклон к Лешему? Хорошо, если попадешь под хорошее настроение, а если нет, можно самой из леса не вернуться. И хотя за Юлей числилось не одно доброе дело – и русалок озерных подлечила, когда отраву в реку спустили, и Кикимору выходила после пожара – но на добро память у лесного духа была короткая. Впрочем, по его приказу берегини сплели для Юли оберег от хворей, а Кикимора в доме ее похозяйничала и двери от воров запечатала. Но никогда ни о чем Юля Лешего не просила.

А теперь выбора не было.

До леса добрались затемно. В чаще тревожились деревья, вздыхала за буреломом трясина, плакал ребенок – должно быть, Игоша, Кикиморы сын. Чем глубже, тем чаще мелькали тени, проверяли, кто идет, но, завидев Лихо, скользили мимо.

Тропа окончательно скрылась в палой хвое, Юля перешагивала через валежник, продиралась сквозь колючий кустарник, сама не заметила, как вымокла в росе. Крик сипухи вспорол тишину как бритвой, заставил вздрогнуть. Если Леший не откликнется, сама Юля отсюда вряд ли уже выберется...

За спиной вдруг раздался утробный рык. Юля обернулась. Из кустов напролом вышел медведь вдвое крупнее обычного, с оскаленной пастью. Он поднялся на задние лапы, вновь зарокотал, тягучая клейкая слюна закапала на землю. Маленькие безумные глаза уставились на Юлю.

Она стояла неподвижно.

И тогда зверь опустил перед ней, свернулся клубком, прокатился меж деревьев и вышел обратно человеком, пусть и громадного роста, с иристо-зелеными волосами и круглыми глазами без ресниц.

– Не признал тебя сразу, – извинился Леший. – Какая нелегкая принесла?

– Да вот, приبلудилось тут одно недоразумение, – Юля указала на притихшее и вжавшее в плечи голову Лихо, – чуть человека не убило.

– Скверно, – признал Леший. – Благодарствую тебе. А ты, – он ткнул пальцем в Лихо, – теперь у меня в крапиве просидишь до полной луны.

Лихо покосилось на тонкий месяц, прищипленный к черному бархату над верхушками сосен, и обреченно вздохнуло.

– Ну, пойдём, провожу тебя, коль такое дело, – предложил Леший Юле.

Сучья и сухие стволы оглушительно трещали под его ногами. Юля едва за ним поспевала.

– Хмуро у тебя на душе, – проникательно заметил Леший. – Подсобить чем?

Юля удивилась, но воодушевления не выдала. Слишком страшно стало вспугнуть удачу – чтобы Леший да первым предложил помощь, что это на него нашло?

– Девочка, которую Лихо чуть не убило, Сонечка, – несмело начала Юля, – понимаешь, она мне очень дорога. У нее травма головы была серьезная. Если бы ты мне что-нибудь дал для исцеления...

Леший неразборчиво заворчал и, казалось, забыл о Юле. Он напряженно размышлял, хмурил кустистые, как осока, брови, то внезапно останавливался, разглядывая Юлю, как впервые, то срывался с места, и Юле приходилось бегом его догонять. Все это время она с тревогой ждала – поможет или

засмеет?

– Коли надо тебе живой воды, полезай за ней в топь, – проронил Леший, когда они вышли к болоту, и Юля почувствовала, как холодом наполнилось сердце. – А как наберешь – крикни, да и вытащу тебя за волосы. Только смотри, далеко не ходи, а то не воротишься. Что, готова ты ради этой человечишки жизнью рискнуть?

Юля смотрела на свое отражение в черной стоячей воде: бледная, худая, глаза в пол-лица.

Кивнула.

– Заодно достань мне со дна монетку, что там утопла, – напутствовал Леший.

Что-то в нем переменилось. Обычно по-отечески властный и снисходительный, он вдруг как будто смешался, застыдился неизвестно чего. И хотя тон его – насмешливый, безразличный – остался прежним, но в глазах засквозили и тревога, и тоска.

Ледяная вода мгновенно забралась в кроссовки, стоило только подойти к трясине. Юля помедлила, обернулась. Ей вдруг стало жаль своей никчемной мутной жизни. Но Лихо никогда не врет, не умеет попросту. А значит, никого, кроме Юли, на Сонечкиной стороне нет.

– Струсил? – спросил Леший, ухмыляясь.

– Дай, во что воды набрать, – ответила Юля упрямо и протянула руку.

Они долго буравили друг друга глазами: хозяин леса и

девчонка, вдвое его ниже. Леший сунул здоровенную лапшу за пазуху и подбросил в воздух бурдюк – Юля едва поймала.

– Да не бойся, – сжалился Леший. – Проверял я тебя. Только крикнешь – тут же и выдерну обратно. Ежели б не так было, думаешь, пустил бы? Ты мне еще тут сгодишься.

Юля не верила или, по крайней мере, верила не до конца, но отступить уже не могла.

– Про монетку не забудь, – догнал ее голос Лешего.

Она закрыла глаза, задержала дыхание и шагнула в трясину.

* * *

Уходя под воду, Юля подумала, что не знает, как дышать. Точнее, как не дышать, пока ищешь монетку и набираешь воду. Но ради Сонечки... Стоило рискнуть.

Топь сомкнулась над ее головой, исчезли трещины на зеркальной глади. Юля проваливалась все ниже, одежда тянула ко дну, а легкие уже горели, моля о воздухе. Что-то склизкое и клейкое поползло по лицу – будто слизи прилипли к щекам. Юля замотала головой, силясь не закричать и не глотнуть болотной жижи.

И вдруг густой кисель под ногами разошелся, а Юля полетела в пустоту.

Ее крик прервался хрустом и глухим стуком, будто дере-

вянные фигуры бросили в перевернутую шахматную доску. Юля почувствовала укол в бок, от которого порвалась футболка, и ниже – джинсы на бедре вспоролы как ножом.

Снова наступила тишина.

Юля, холодея, открыла глаза. Над ней простиралась непроглядная чернота купольного потолка, с которого капала вода и срывались блестящие слизи. Юля спешно утерла лицо рукавом, стряхнув мелких гадов. Настил, на который она приземлилась, снова захрустел, и тогда Юля нащупала под ладонью череп.

Она лежала на горе костей – не только человеческих, но и медвежьих, лосиных и калибром помельче. Юля кое-как поднялась на ноги и, проваливаясь по колено в кости, побрела туда, где голубел одинокий огонек.

Синий свет падал на тонкий ручеек, стелившийся ниже и убегающий под костяной курган. Юля присела возле него, окунула горлышко бурдюка. Пока вода наполняла флягу, вдруг заметила странный стальной отблеск сбоку: ржавый, поросший мхом, со сдутыми шинами велосипед лежал на другом берегу ручья. Переднее колесо крутилось, тихо поскрипывая, хотя воздух вокруг был неподвижен.

Юля закрутила пробку. Зубы стучали – пусть ледяная вода отступила, но одежда пропиталась ей насквозь. Где же найти монетку для Лешего? И зачем она ему понадобилась?

В тишине тихий звон прозвучал набатом. Сверкнула золотая вспышка в воде – Юля кинулась к ручью, но течение

его вдруг стало бурным и торопливым. Юля видела, как золотой рыбкой мерцает в воде монетка, как сбегает ниже, в темноту. У самого устья она зацепилась за камень, и Юля наконец смогла ее ухватить.

Присмотрелась внимательно.

...он носил ее на ниточке, говорил, что коллекционная, и, когда они летели на велосипеде с холма – он за рулем, Юля на багажнике, – монетка блестела, ветром заброшенная ему за спину.

Так вот куда он исчез. Но что ему делать на болоте? Не поехал же он за ягодами в самую топь? И откуда Лешему известно про монетку? Юля сдавила прохладный металл изо всех сил, будто надеялась согреть, оживить.

Пора возвращаться.

Мрак впереди неожиданно вспыхнул алым, и пара гигантских глаз уставилась на Юлю.

* * *

Змей выползал из темноты неспешно, переливался в свете голубого огня. В его вертикальные зрачки Юля могла бы войти как в двери, не пригибая головы. Раздвоенный язык с шипением выныривал из бледно-розового рта, подрагивал меж четырьмя заточенными клыками.

Он как будто улыбался в предвкушении.

Юля со всех ног бросилась обратно к костяному валу. От

тихого скольжения за спиной кровь стыла, а разум отказывался мыслить. Она взбежала, оступаясь, падая, распарывая кожу на коленях и локтях.

– Леший! – вырвался из горла исступленный вопль. – Помоги!

Невидимая пятерня ухватила ее поперек туловища и так дернула вверх, что дыхание сперло. С хлопом трясина выпустила ее обратно, в дорогой любимый лес, где все так же кричали сипухи и шептали сосны.

– Нашла? – тут же гаркнул над ухом Леший.

Юля раскрыла ладонь и протянула монетку, тусклую, в патине – только на дне болота она сверкала как новая. Леший осторожно взял монетку двумя пальцами и тяжело вздохнул, а Юля тем временем судорожно ощупывала карманы, но тщетно: она выронила бурдюк, удирая от Змея.

А Леший стоял перед ней такой, как прежде, только взгляд у него стал жестче. Он готовился к сражению, он мог бы противостоять целой армии – до того решительным и непоколебимым он теперь выглядел, разве что зубами не скрипел от напряжения.

– Зачем она тебе? – спросила Юля, указав на монетку.

– На память. Мне вниз нельзя, а тебе можно, вот и польза.

– На память о чем? Ты знаешь, чья она? – продолжала допытываться Юля, хотя чувствовала, что лучше ей в этот угол его темной души не соваться.

– Знаю. И знаю, что ты знаешь.

Юля все пыталась сопоставить: как ее друг оказался посреди болота с велосипедом? Не иначе, позвали, нашептали, околдовали. И раз Леший в курсе дела, то не без его указания...

– Это ты его убил?

У Лешего судорогой скосило угол рта, отчего он стал еще безобразнее. Но не ответил, даже не моргнул.

– Зачем?! – выпалила Юля в сердцах. – Что он тебе сделал?

– Случайно вышло, – буркнул Леший.

– Да уж конечно! – вырвалось у Юли. – Нет, ты специально его заманил, а потом так сделал, чтобы я для всех пустым местом стала. Я ведь помню – исчез он, и люди про меня забыли. Признавайся, раз уж начал, – как? И зачем?

– Я ж говорю – не заманивал, случайно вышло, – недовольно отозвался Леший. – Но правда твоя, без него не обошлось, ты у него в сердце крепенько засела, а я и воспользовался... Только разве ж дурно вышло? Какой тебе прок от людишек? Ни магии у них, ни способностей наших...

– Ах ты скотина! – понесло Юлю по ухабам незаживших обид. – Значит, в рабство меня взял, а я радоваться должна? *Благодарить* тебя? Какая честь – с нечистой якшаться! Кормить вас, выхаживать, чтобы что? А?

– Но ведь и мы тебе помогаем, – возразил Леший. – Где бы ты была, кабы не наше колдовство? Кабы Лихо тебя от смерти не берегло, а Кикимора – от воров да насильников?..

– Знаешь что? – оборвала его Юля. – Если ты для меня так расстарался, то зря. Лучше я умру, чем до старости одна во всем мире буду. Ты – мое проклятие. Вот уж правда – нечисть! Ни души у тебя, ни сердца.

Леший растерянно почесал свои космы, но взгляд его на глазах наливался такой нестерпимой злобой, что Юля почувствовала – она переступила черту дозволенного.

Она сама не поняла, как взлетела в воздух, откинута взмахом руки Лешего. В ушах засвистело, в голове помутилось, а когда приземлилась на вздыбленные корни – душа чуть не вылетела из груди.

– Да кто ты такая, чтобы лесного владыку проклятием звать? – взревел Леший, и где-то со скрипом и стоном рухнули как подрубленные деревья. – Не видать тебе памяти никогда! Ляжешь в землю под безымянным камнем!

Юля с трудом поднялась на колени и взглянула на Лешего – он так рассвирепел, что в облике его вновь проступила оскаленная медвежья морда, а руки обратились в лапы. От рыка дрожала земля, лес раскачивался, трещали стволы, вопили птицы.

«Что я наделала, – с ужасом подумала Юля. – Он же никогда меня сюда больше не пустит! И не видать мне живой воды и живой Сонечки!»

– Прочь! – ревел медведь человеческим голосом. – Беги!

В его крике Юля услышала не приказ – мольбу. Он терял над собой контроль, и сущность звериная боролась с разу-

мом, завладевая им все быстрее. Если разум и не хотел убивать Юлю, то тело порядком изголодалось по сырой плоти.

Юля распрямилась, встала на ноги. Медведь тоже поднялся на задние лапы и надвигался, смертоносно скаля пасть. Ещё мгновение — и перекусит горло.

Юля зажмурилась, задержала дыхание. Перед глазами встала Сонечка — не та неудержимая попрыгунья, что лежала в больнице, а безмятежная, совершенно мертвая Сонечка. Единственная и последняя, кто в этой жизни любил Юлю.

Медведь гигантским прыжком бросился на Юлю, но она опередила его.

Черное зеркало воды вновь разбилось вдребезги.

* * *

Слизни на лице уже не пугали. Пугала первобытная тишина.

Юля боялась пошевелиться — он здесь, он рядом, он наблюдает, ждет, трепещет. Но ни шипения, ни шелеста, только тихий-тихий хруст маленьких косточек под Юлиной спиной.

С вершины кургана бурдюк не виднелся, значит, придется спуститься к ручью. Юля пошевелилась — чей-то череп скатился с горы. Снова прислушалась — снова тишина. Неужели Змей уполз в свою нору?

Юля подняла голову: в прошлый раз заметила, что из стен и купола торчат корни, с которых капают вниз слизи.

ни. Скользкие корни, но если за них ухватиться, то можно проползти. А трясина не глубокая, да и сквозь нее просачивались корневые нити. Главное – забраться повыше, тогда Змей не достанет.

Что-то гладкое и влажное скользнуло вдоль Юлиной шеи и с размаху ударило ее в спину с такой силой, что она кубарем полетела по костям вниз. Чьи-то маленькие ребрышки вонзились в ее ладони и плечи, чудом удалось спасти лицо. Когда падение закончилось, Юля оказалась на берегу ручья и увидела бурдюк – он лежал прямо перед ней.

Змей не спешил. Он обогнул Юлю, приподнял голову, отрезав путь назад, к кургану. Алые глаза полыхали жадой и голодом. Розовая пасть распахнулась, черный язык вылетел из нее и оставил на Юлиной щеке липкий след. Змей радостно зашипел.

Дрогнул воздух – что-то попыталось схватить Юлю за спину, совсем как в прошлый раз. Когти вспороли футболку и кожу на боках, кровь напитала края белой ткани. Но медвежья лапа не могла как следует схватить ее, и Юля, скользкая от крови, полетела из когтей обратно к Змею.

«Ну вот теперь всё», – поняла Юля, когда белые клыки нависли над ней за секунду до смерти.

Но тут черная тень рухнула Змею на голову. Сквозь туман боли Юля с трудом различила: нет, не медведь – мальчишка! Вцепился Змею в глаза, болтается на скользкой морде. Надолго ли хватит ему сил?

Юля поднялась, ее шатнуло – ноги не выдержали. Змей сбросил мальчишку, выкинул вперед хвост, обернул хрупкое тело, сжимая, сдавливая в смертоносных объятиях.

«Вставай! – велела себе Юля. – Встань и иди! Ты нужна, ты нужна, ТЫ нужна!»

С растревоженного кургана катились кости. Юля подхватила одну из них, с острым обломанным краем. Хотя бы попытаться...

Мальчик уже не кричал, только сипел, синевя на глазах.

Кость проткнула мягкую шкуру Змея, кольца распустились, мальчик свалился на землю и зашелся в приступе удушьящего кашля. Змей обернулся, бросился на Юлю, а она вновь занесла кость.

Подбородок у Змея оказался мягче шелка. Кость вспоролла его, и на Юлины руки хлынула голубая кровь. Она хлестала и хлестала, пока алые глаза Змея не застыли, а тяжелые чешуйчатые кольца не легли вокруг Юли неподвижной цепью.

Змеиная кровь смешивалась с человечесьей и стекала по Юлиному животу. Кто-то – конечно, мальчик – подхватил на руки ее слабеющее тело.

– Потерпи, Юленька, – попросил мальчик.

...а ведь он всегда звал ее именно так.

Вода журчала у самого уха, успокаивая и холодя щеку. Юля приоткрыла глаза – все то же подземелье, все тот же ручей. Только боли нет.

Кто-то держал ее за руку. Она повернула голову, узнала.

Он повзрослел, возмужал, но глаза – светло-бирюзовые, с желтым пятнышком – остались теми же. Он улыбнулся совсем как пятнадцать лет назад, мягко и успокаивающе, и Юля наконец разглядела их с Лешим сходство.

– Как?.. – только и вырвалось у нее, но ответы пришли сами, без слов.

Ручей залечил ее раны – живая вода свое дело знала. А медведь стал тем, кем был. Как монетка, сверкавшая на дне, а наверху тусклая от патины, ее друг из Лешего обратился в себя прежнего. В того, каким он умер здесь, прежде чем стать лесным духом.

– Так это не ты, – протянула Юля, сжимая его руку в ответ, – а тебя...

– Это место, – мальчик обвел взглядом берег и ручей, – не просто топь. Когда Леший на покой уходит, заманивает сюда путника и ждет, пока тот со Змеем сразится. Коли заборет Змея, значит, силен приемник и не опасно ему лес доверить. Тогда-то Леший сам следом прыгает, раны наследника живой водой исцеляет и о последнем желании спрашивает. Вот

и меня спросил, а я загадал...

– Чтобы я тебя не забыла, – ахнула Юля.

– Нет, – покачал головой мальчик. – Чтобы я тебя не забыл. Мы ведь ваших лиц не помним, все – как одно, туман болотный. Тот, предыдущий Леший, меня остерег, что коли я твое лицо запомню, то остальные – забудут. А коли передумаю – сам должен отказаться и проклетие снять. Ты прости меня, Юленька. Жутко мне было одному остаться, и я за собой тебя потащил... Много раз признаться хотел, да не находил духу. А сегодня, как услышал, что ты ради какой-то человечешки готова с жизнью распрощаться, понял – пора. Да ты не думай, я ж точно знал, что тебя по первому писку вытащу.

– Ну да, вытащил... – горько усмехнулась Юля.

– Это потому, что я перекинулся со злости, а обратно никак, только если в болото. Ты как лягнула, что во мне ни души, ни сердца... Испугался я, что так оно и есть.

Юля и впрямь ему поверила – не стал бы он рисковать, если б уверен не был.

– Но если ты Змея убил, то это тогда кто? – указала она на неподвижное чешуйчатое тело.

– А ты сама посмотри. – Мальчик кивнул туда, где дрожал голубой огонек.

Юля сощурилась, вгляделась внимательно: свечение окутывало некий овальный предмет. Это же...

– Яйцо, – догадалась Юля.

– Вылупится новый Змей, отсчет заново пойдёт. Понимаешь, что это значит?

Юля покачала головой.

– Ты можешь мне парой стать – женщины еще никогда отсюда живыми не выбирались, ты первая. Будем с тобой вместе лесом заправлять, следить за порядком. Дело-то почетное, хоть и непростое. Только решить сейчас надо, куда скорлупа змеиная еще целехонька...

Юля молчала. Все это время он был здесь, он знал, он помнил. И чего-то, наверное, ждал. Ждал, что и она вспомнит его.

– Нет, – она взяла его за руку, – если соглашусь, кто живую воду Сонечке принесет?

– Но ведь ты сказала... Лучше умереть, чем одной...

– Так ведь я теперь и не одна, – улыбнулась Юля.

Мальчик крепко сжал ее ладонь, напряженно вглядываясь в голубоватый мрак. О чем он думал? Жалел ли, что признался? Как жил все эти годы с ней рядом?

Она все спросит, все выяснит. Позже. Обязательно.

...а ведь когда-то никто, кроме него, не был нужен.

* * *

Сонечка плакала. Пузатая сумка занимала всю табуретку, сверху восседал плюшевый слон. Юля делано улыбалась, большими пальцами ловя крупные прозрачные слезы на Со-

нечкиных щеках.

– Я буду приходить, по четвергам и субботам, как договорились! – в который раз пообещала она.

– Обязательно.

– И ты должна побывать у нас в гостях! Мама с папой очень обрадуются!

Юля механически кивала. Родители Сонечки, наверное, очень удивятся, когда к ним домой заявится незнакомая тетка, которую они в первый раз видят. Да и Сонечка, вероятно, забудет о санитарке, с которой провела две недели своей жизни. Таких коротких и таких важных.

– Звони мне. – Сонечка обняла Юлю, повисла на шее приятной тяжестью. – И я тебе буду звонить. И Дрёмушку не забывай кормить, ладно? Пусть другим тоже снятся хорошие сны!

Мир вдруг поплыл странными радужными кругами. Юля вроде бы моргала, но никак не могла смахнуть наваждение: палата переливалась, неожиданно громко и звучно запели птицы, лавандовый дух окутал, словно на цветущем лугу. И так ей стало хорошо, так уютно, как в детстве, за тощей спиной Лешего, самого лучшего друга в мире...

– Спасибо! – прошептала Сонечка, разжав руки.

Юля кивнула, просто потому, что попробуй она ответить, и слезы брызнули бы. А Сонечка подхватила сумку, вышла из палаты, оставив Юлю одну.

– Ты спасла ее, – заметил тихий старушечий голос с под-

оконника.

Юля оглянулась. Дрёма сидела, свесив ножки в войлочных ботиночках, и ловко перебирала спицами.

– Да-да, всё знаю, – закивала старушка. – Ей в кошмарах снилось, как она умирает. А сегодня чистенькая проснулась.

– Я что-то почувствовала, – пробормотала Юля, сама не понимая, отчего дрожит и еле на ногах стоит. Опору бы, опору. – Только что...

– Да-да, – повторила Дрёма. – Хоть и колдунья, да малехонька еще, чтоб самой смерть отпугнуть. А ты не подвела, вытащила, отвadiла от нее черную гадину.

– Так она... – Юля прижала ладонь к груди, будто там еще тлело Сонечкино колдовство.

– Тебе ли дивиться? – хмыкнула Дрёма. – Подрастет, окрепнет, глядишь, и отплатит тебе добром.

Юля растерянно смотрела на незаметно упавшего с сумки слона. Дрёма права – ей ли не верить в волшебство? И все же, когда оно здесь, так близко, встает радугой посреди комнаты, дует в лицо теплым лавандовым ветром...

– Поэтому она меня помнит, да? – спросила Юля, поднимая глаза на Дрёму.

Но старушка уже исчезла. Подоконник опустел, и лишь крохотный полосатый шарф зацепился за трещинку.

Распахнулась дверь – в палату заглянула заведующая.

– Эй! Вот ты где! – всплеснула она руками. – Зайди-ка в ординаторскую.

Юля послушно поплелась следом. Неужто решили уволить? А может, заметили, что она Сонечке что-то подлила из странной на вид фляги?

По ординаторской гулял сквозняк, но в воздухе витал запах пота, как будто здесь недавно проводили совещание. Юля зашла, обернулась к заведующей, и тут грянуло:

– С днем рождения!

Юля обескураженно смотрела на коллег, которые хлопали, смеялись, говорили поздравления, но не слышала их. Вперед выдвинулся хирург-от-бога, улыбнулся так, что сердце обвила шелковая ленточка, протянул жухловатый букет.

– Вы с нами уже целых десять лет! – провозгласила заведующая. – Какая самоотверженность, какая преданность нашему нелегкому делу!

Юля плакала. Пожалел ее? Не простил, что отказалась? Наказал или благословил?

Все смотрели на Юлины слезы и думали – от счастья.

...а ведь когда-то ей хотелось, чтобы все было совсем по-другому.

Глава 3

Дверь за Юлей закрылась с пыльным хлопком. Убаюканный кот встрепенулся, вытянул вперед лапы, растопырив когтистые пальцы. Марго подвела черту под записями в блокноте и уставилась на пустое кресло, будто по-прежнему видела в нем одинокую, всеми забытую девушку, которой выпал шанс начать все заново.

– Еще кофе? – учтиво поинтересовался бармен.

– Как ты думаешь, – спросила его в ответ Марго, – она хотела бы все вернуть обратно?

Бармен посмотрел на нее сквозь отполированный бокал.

– Зачем? – равнодушно спросил он. – Теперь она будет как все. Так ведь проще.

Марго подошла к патефону, перевернула пластинку. Медленно, через сопротивление завела пружину. Такой, как все... Такой, как все, конечно, проще. Ни ответственности, ни мук выбора. Быть маленьким, незаметным, жить тихо и умереть с чистой совестью.

Печальная участь, одним словом.

– Вам жаль ее? – спросил бармен, чем немало удивил Марго: казалось, что ему не свойственно сочувствие.

«А ведь он недалеко ушел, – подумалось Марго. – Известно ли ему, как и зачем он оказался здесь? Или он точно так же живет, не подозревая, не страдая от беспомощности, при-

нимая жизнь как должное?»

– Еще кофе, пожалуйста, – попросила Марго.

Дверь в подвал распахнулась как от удара, впуслав смуглую девушку, знавшую свою красоту достаточно, чтобы уметь с ней обращаться. Морского цвета глаза сверкнули при виде камеры и застывшего в восхищении бармена.

– Так, журналюга, значит, – сразу ошетирилась посетительница. – Ну уж фигурки. Бесплатно только кошки мяучат.

– Присядь. – Марго невозмутимо указала на кресло. – Обсудим цену.

Девушка, поколебавшись, все же уступила. Музыка плавно текла сквозь нее, обнимая, успокаивая, маня на свою сторону.

– Ну и местечко, – пожаловалась гостья, опустившись в кресло. – Как через машину времени прошла, честное слово.

– В каком-то смысле так и есть, – улыбнулась ей Марго. – А ты хотела бы вернуться в прошлое?

Девушка непроизвольно спрятала руки между колен и поежилась. Будь ее воля, она, конечно, ушла бы немедленно, но музыка держала цепко, не вырвешься, даже если умеешь и знаешь побольше других.

– Хотела бы, – поняла Марго. – Тебе есть что исправить в прошлом. Как твое имя?

– Аниса, – призналась гостья. – Что вам от меня надо?

– Историю из прошлого.

– А вы сыщик, что ли?

Марго как бы мимоходом закатала рукава. Перламутровые руны налились красным и теперь полыхали закатным огнем.

Аниса побледнела, словно услышала необратимый диагноз. Голубые в зелень глаза забегали, губы сжались в упрямую дугу.

– Отпустите меня, – попросила она.

– Я ничего тебе не сделаю, – успокоила Марго. – По крайней мере, не сейчас.

Кот спрыгнул со стойки и беспардонно разлегся на коленях Анисы. Она невольно опустила ладонь ему на голову и кивнула сдаваясь.

Патефон сам собой зазвучал тише.

Тимур Климов

Колыбельная для кошкодевочки

Аниса сидела в глубоком кресле, закинув ногу на ногу, и даже не старалась сделать вид, что слушает клиентов – двоих родителей. Мать говорила много и сбивчиво, отец больше молчал. Аниса придирчиво изучала пальчики на своих ногах.

– Мы плохо спим, Аниса Дамировна. Нам посоветовали к вам обратиться. Месяца два назад началось. Данечка так похудел за это время. Вы, говорят, можете помочь. Скажите, а сколько ваши услуги будут стоить? Мы у невролога были, он нам препаратов выписал попринимать и направление в санаторий дал, но у нас сейчас нет возможности поехать.

Ведьма закрыла глаза, склонила голову набок и протянула вперед правую руку. С левого ее плеча при этом соскользнула бретелька наглого платья. Тонкая смуглая правая кисть была расслаблена, но чуть позже напряглась, а пальцы начали дрожать.

– Вы меня слушаете? Я говорю, Данечка плохо спит. Часто просыпается, бывает даже, что лунатит. Вчера вот свистел во сне. Потом говорит, что ему музыка мешает спать. Лекарства попринимали, но не помогло. По объявлению в газете обратились. Главное, у него ничего не болит, но вы посмотрите

– мешки под глазами. Бедный мой. Мы к Маргарите пошли по объявлению. Знаете Маргариту? Она нам сделала обряд очищения. Сказала, что Данечка у нас особый ребенок и у него великое будущее.

Аниса усмехнулась. Она, по-прежнему не открывая глаз, словно бы вся собралась и вытянулась в струну. На ее лице появилась испарина. Капельки пота выступили и на шее, и на ключицах. Легкая ткань платья явственно обрисовывала прекрасное тело.

– Вообще, я мог в санаторий поехать с Даней, – выпалил отец ребенка, с трудом оторвав взгляд от Анисы, – отпуск-то еще не отгулял.

– С тобой одним он не поедет. – В голосе хрупкой женщины сверкнула сталь.

– Да никто никуда не поедет... – махнула рукой Аниса, не открывая глаз. – Так, смотрите, ребенку вашему удаляли аппендикс... три года назад, а сейчас у него глисты. Да и в целом... предрасположенность к заболеваниям желудочно-кишечного тракта, имейте в виду. Однозначно вылезет геморрой. Так... Был перелом среднего пальца на правой ноге и... остальное тут пока все в порядке.

Родители мальчика притихли, сидели без движения, уставились на Анису. Ведьма продолжала:

– Так, а что касается сна... тут надо залезть поглубже.

Аниса некоторое время молчала.

– Так, хорошая память на лица и... запахи. Развитое во-

ображение. Медленно переключается с одного вида деятельности на другой. Не технарь. Эмоционально устойчивый, постоянен в настроении. Замкнутый, но... дружелюбный. Есть творческие способности. Отдайте пацана в художественную школу, как вариант.

— А мы уже, да, да... — закивали и заговорили в один голос родители, с изумлением слушавшие Анису.

— Дәшмәскә! ¹ — внезапно крикнула на родном языке ведьма.

Она резко подалась вперед и подняла указательный палец. В такой позе Аниса застыла и продолжала сидеть несколько минут. Ведьма, крепко зажмурив глаза, часто и глубоко дышала. Ее брови нахмурились, на лоб упала прядь темных волос. Мать прижала к груди сумку и боялась пошевелиться, а отец медленно вытирал о джинсы вспотевшие ладони, глядя в вырез ведьминового платья. Поймав яростный взгляд супруги, он остановил движение рук. Напряжение на лице Анисы вдруг сменилось удивлением, она отпрянула назад, открыла покрасневшие зеленые глаза и встретила взглядом с мальчиком.

Даня сидел на диване между родителями. Постриженный наголо худой шкет в футболке и шортах. Мальчик, до этого глазевший на красивую ведьму, смутился и отвел взгляд, делая вид, что очень увлечен куском пластилина, который он вертел в руках. Мать, увидев, что Аниса смотрит на мальчи-

---

¹ Молчать! (*Татар.*)

ка, дернула пацана:

– Сиди ровно, а! Ты посмотри, опять все ногти грязные. Ну что вы скажете, Аниса Дамировна? Что там случилось?

Аниса долго и внимательно смотрела на Даню, затем потерла воспаленные глаза.

– Криминала нет, но есть одна проблема не на поверхности.

– Господи помилуй! Опухоль, наверное, там опухоль. – Женщина прижала к себе сына.

– Так, – уверенным голосом пресекла истерику Аниса. Она устало откинулась на спинку кресла. – Для первого раза хорошо поработали. Сейчас нужно, чтобы я могла увидеть, как ребенок спит. Это важно.

– Данечка, нужно поспать, ложись. – Мать потянула сына, пытаясь уложить его к себе на колени.

Пацан запротивился.

– Ну, не здесь. – Аниса небрежно махнула рукой. – Надо посмотреть на ночной сон, когда проблема проявится. Приду к вам домой. За один раз все сделаю – хотя случай сложный. Сейчас десять тысяч за первую консультацию. Потом еще двадцать. И адрес ваш...

Мужчина вопросительно посмотрел на жену. Та утвердительно кивнула, и он полез в телефон писать адрес и переводить деньги. Аниса тем временем продолжала наблюдать за Даней, активно мявшим пластилин.

– До свидания, – сказала Аниса, когда мурлыкнул ее ай-

фон.

– Попрощайся! – дернула мальчика женщина и затараторила: – Спасибо вам, Аниса Дамировна. Нам во сколько вас ждать? Помогите нам, пожалуйста. Мы на вас очень надеемся.

Пока клиенты обувались, Аниса успела проверить в интернете лунные фазы.

– Приду к полуночи. Раньше нет смысла. Ребенка без меня не укладывать, – дала последние указания ведьма и громко захлопнула за гостями дверь.

Пацан ушел не попрощавшись.

Превозмогая навалившуюся усталость, Аниса побрела на кухню. Дрожащими от слабости руками она начала готовить зелье для восстановления сил. Залила в блендер топленое молоко и порцию высококалорийного протеина. Затем зазвенела склянками и застучала жестяными коробочками: мед, собранный слепыми пчелами, семена палестинского мака, протертый мох, выросший на курганах иглошкурных, настоящий васоби, одна капля слез дельфина и, конечно, мумие. Настроение зелью задал односолодовый Dalmore. Тщательно всё перемешав, Аниса с нетерпением отпила несколько больших глотков прямо из чаши блендера и мгновенно ощутила прилив сил. Насыпав в глубокую тарелку любимого татарского чак-чака, ведьма перелила остаток зелья в спортивную бутылку Nike и отправилась с перекусом в спальню.

В спальне Аниса первым делом закапала в глаза «Визин»,

чтобы снять красноту, а следом разбудила макбук и, попивая зелье со сладостями, зарылась в недра компьютерной памяти, отыскивая pdf-книжку, которую когда-то старательно отсканировала в ведьминской библиотеке.

– Так-так... – проговорила Аниса, найдя нужный файл.

Она неторопливо изучила материал и допила зелье.

– Как пацан жив до сих пор? – вслух спросила ведьма и закрыла ноутбук.

Она чувствовала себя значительно бодрее, но для полного восстановления ей требовалось хорошенько выспаться. Тем более впереди маячило ночное дело. Аниса задернула окно спальни плотными шторами, включила кондиционер на ионизацию, установила будильник на девять вечера и, переодевшись в хлопковую пижаму, быстро уснула, обняв душистую травяную подушку.

Мягко пробудившись под тему из «Гарри Поттера», Аниса прогнала сладкую дремоту и ни минуты не позволила себе валяться в кровати. В ванной она провела мисоги – японский ритуал очищения, который невежественные профаны называют контрастным душем. Надела черный облегающий костюм Рита и собрала волосы в хвост. В спортивный рюкзак закинула свежесобранный мешочек моджо, стандартную мазь для трансформаций, охотничий нож в чехле, пару хладоаккумуляторов и комплект пустых полиэтиленовых пакетиков с застежкой. Подошла к закрытому стеллажу в гостиной и отворила створки. На полках выстроились стеклянные

банки разного размера. Ведьма внимательно оглядела сосу-
ды и переставила пару банок, освободив место на одной из
полок. Надела черные кроссовки и покинула квартиру.

Вечер был удушающе жарким. Чернотопск словно накры-
ли тяжелым ватным одеялом, под которым город изнывал в
ожидании грозового оргазма. Трамваи еще ходили, но Ани-
са не собиралась потеть в общественном транспорте. За де-
вушкой подъехало такси – бело-желтый «Солярис». Води-
тель, русский парень, заинтересованно поглядывал на Анису
в зеркало заднего вида.

– Татарочка? Давай завтра заеду за тобой, покатаемся?
Жизнь без татарки, что чай без заварки! Красавица, скажи
номер свой...

Водитель продолжал в таком духе минут двадцать. Когда
машина приехала по адресу и встала у нужного подъезда,
ведьма внезапно потянулась вперед и ловко шлепнула води-
теля по лбу. Одновременно со шлепком она твердо произ-
несла:

– Спать!

Парень мгновенно обмяк и уронил руки. Голова безволь-
но повисла.

– Так, дружок. Будешь молчать. Месяц. Ничего сказать не
сможешь, даже если очень захочешь. Понял?

– У, – промычал водитель.

– Так. И чаю ты больше пить не станешь, даже если очень
захочешь. Никогда! И денежки все давай, какие есть.

Парень послушно нашарил в бардачке бумажник и отдал Анисе. Ведьма извлекла из него чуть больше трех тысяч.

– Кати, Вася. – Аниса бросила пустой бумажник на пол и вышла из машины.

В типовом дворе спального района пахло свежееуложенным асфальтом и скошенной травой. Со всех сторон из распахнутых окон и балконов доносились звуки: люди стучали посудой, смеялись, ругались, занимались любовью, кто-то свистел. Из сообщения с адресом ведьма знала, что пацан живет на седьмом этаже кирпичной девятиэтажки. Дверь подъезда была и открыта нараспашку и подперта булыжником. Аниса вошла в дом и поднялась на седьмой этаж в лифте, пропитанном запахом перегара и пота. Дверь квартиры отворил отец ребенка. Позади него в коридоре стояла жена. Аниса вошла, потеснив родителей.

– Я поговорила со своей мамой... – начала женщина, положив перед Анисой домашние тапочки. – Мама нам уже один раз очень помогла, когда Данечка был совсем маленький и заболел краснухой. Она сказала, что нужно...

Аниса не стала снимать кроссовки и перешагнула через тапочки. Она закрыла глаза и, подняв руку, резко перебила женщину:

– Нужно перестать слушать свою мать, нужно лечь в постель и крепко уснуть. Будете спать без задних ног. Аниса Шакурова вам поможет. Аниса Шакурова замечательный специалист. Утром вы отблагодарите Анису за труды и пере-

ведете ей пятьдесят тысяч рублей.

Родители чинно развернулись и, шагая в ногу, ушли по коридору вглубь квартиры в свою спальню и закрыли за собой дверь.

В комнату мальчика Аниса вошла без стука. Пацан не спал. Он был одет в пижаму с покемонами и читал аниме-комиксы, лежа на односпальной кровати. Он привстал, когда вошла ведьма.

– Ну привет. – Аниса подошла к его кровати и присела с краю. – Что читаешь?

Даня молча развернул комикс обложкой и показал ведьме воинственную и прекрасную героиню-кошкодевочку.

– Любишь аниме? – спросила Аниса, разглядывая комнату. Стены пестрели постерами с героями популярных аниме-сериалов. На полках стопками лежали комиксы. На всех поверхностях группами и поодиночке теснились многочисленные поделки из глины и пластилина. – Так, смотри, дружок. Твои любимые мама и папа попросили меня полечить тебя, потому что ты плохо спишь. Так что давай ты сейчас быстренько уснешь, а я сделаю то, что нужно, окей? Я даже помогу тебе сейчас уснуть. Смотри, что у меня есть...

Аниса сняла рюкзак и собиралась достать мешочек мажю.

– Ты хочешь поймать птицу, – произнес Даня спокойно.

Таким же тоном он мог напомнить Анисе о том, что она забыла почистить зубы.

Аниса напряглась. Ее рука остановилась на полпути, так и не открыв рюкзак.

– В смысле, дружок? Ты о чем?

Даня ненадолго закрыл глаза, как бы обдумывая что-то, помолчал, а потом сказал:

– Я бы вот хотел, чтобы у меня была такая сестра, как ты. Ведьма неожиданно для самой себя улыбнулась.

– Сестра, говоришь? А ты прикольный, Д-а-н-и-и-л, – по буквам произнесла она его имя и с интересом посмотрела на мальчика, устроившись полулежа напротив него. – Ну так что, поможешь мне, братец?

– Ага! – кивнул мальчишка.

Аниса вынула из рюкзака мешочек моджо и кинула его Дане.

– Понюхай, как ароматно пахнет. Давай клади его рядом на подушку и ложись. Я спою тебе колыбельную.

Мальчишка улегся на бок и подвинул мешочек к себе. Аниса же достала из рюкзака мазь для трансформаций. Быстро прошептав что-то над баночкой, ведьма нанесла небольшое количество мази на каждое ухо. Убрав баночку с мазью, Аниса сняла резинку и встряхнула распущенными волосами. Из черных густых волос выглянули уши, но они вдруг заострились, обросли коротким мехом и стали кошачьими. Мальчик открыл рот от удивления.

– Кошкодевочка! – воскликнул изумленный Даня.

– Чтобы я тебя могла лучше слышать. Всё, давай спать,

самурай! – рассмеялась Аниса.

Даня положил голову на подушку, не отрывая от ведьмы взгляда, а Аниса запела колыбельную на татарском:

Элли-бэлли, йом күзеңне, балам,
Йокында чэчэкле дала.
Элли-бэлли, балам йоклап ятыр,
Таң нуры сине уятыр.
Йокла, балам, йокла,
Йоклыйлар кошлар.
Иртэн алар сиңа
Моңлы сайрарлар.²

Ведьма не успела допеть первый куплет, как Даня уже погрузился в глубокий сон под действием мешочка моджо.

Аниса спрятала рюкзак под кровать, погасила в комнате свет, а сама спряталась за широкий комод, уставившись на распахнутое внутрь комнаты окно рядом с закрытой балконной дверью. В стекле окна хорошо просматривался балкон. Ведьма замерла, и даже ее дыхание, кажется, остановилось.

Спустя полчаса с балкона донесся шум: громкое хлопанье тяжелых крыльев, а затем мягкий удар и скребущий звук. На время все стихло. Затем зазвучала песня. В этой песне

---

² Баюшки-баю, глазки закрывай, дитя мое, Во сне твоём – цветущая степь. Баюшки-баю, дитя мое будет спать, Лучи рассвета утром тебя разбудят. Спи, усни, мое дитя, Птицы спать легли. Поутру они тебе Нежно будут петь.

вместо понятных человеческих слов сама мелодия говорила с тем, кто ее слышал, и в этот момент все прожитое в прошлом казалось бессмысленным, плоским и пустым. А будущее представлялось чудесным. Это был призыв следовать, бежать, догнать манящее счастье. Аниса осталась в прежнем состоянии, потому что воспринимала сладкий музыкальный дурман ушами не человека, а кошки, ушами охотника на птиц. Наконец ведьма увидела в отражении стекла огромную хищную птицу с человеческой головой и женским лицом. Глаза с узкими зрачками были широко раскрыты. Вместо волос на голове торчало коричневое оперение. Птица пела, приоткрывая рот и обнажая ряды маленьких острых зубов. Гамаюн. Прилипчивый паразит, питающийся жизненной силой людей. Профаны ошибочно полагают эту нечисть чуть ли не вещей.

Магия песни не сработала. Гамаюн не сумел навести на мальчика тяжелый сон, чтобы питаться его силой. Тварь не знала, что Даня спал крепче обычного благодаря мешочку моджо. Но и Аниса не знала, что Гамаюн не ел несколько дней в предвкушении ужина именно из этой кормушки. Снова скребущий звук и хлопанье крыльев. Птица передвигалась резкими короткими прыжками. Гамаюн запрыгнул через открытое окно на подоконник, а затем спрыгнул на пол и оказался почти у самой кровати Дани. Птица снова запела, а ведьма приготовилась напасть. В тот момент, когда Аниса уже напряглась и приподнялась перед решительным прыжком,

ком, в коридоре зазвонил телефон. Громко и неожиданно заиграла попсовая песня про маму. Гамаюн в испуге вздрогнул.

Аниса выпрыгнула из-за комода и бросилась на птицу. Гамаюн, увидев Анису, раскрыл рот и то ли прокаркал, то ли прокричал скрипящим голосом: «Чаровница!», а потом сделал один лишь скачок и уже оказался на подоконнике. «Сукка», – прошипела ведьма и перескочила через кровать, а Гамаюн, видимо от испуга, слишком рано расправил широкие крылья, не успев еще преодолеть оконный проем. Ударившись о раму, Гамаюн неловко вывалился на балкон. Аниса резво перемахнула через подоконник на балкон и схватила птицу за лапы. Гамаюн пронзительно вскричал, взмахнул крыльями и взлетел. Ведьма не ожидала такой мощи. Бетонный пол балкона неожиданно ушел из-под ног Анисы, и она поднялась в воздух. От сильного рывка ведьма отпустила одну лапу и успела схватиться свободной рукой за балконное ограждение. Гамаюн вырывался, пытаясь улететь. Ведьма его не отпускала.

– Цветущая степь, – услышала Аниса голос Дани.

Мальчик вышел на балкон и стоял у ограждения с закрытыми глазами. Ведьме все труднее было удержаться. Мышцы жгло огнем.

– Птицы спать легли. – Даня начал перелезать через ограждение балкона.

– Проснись, самурай! – крикнула ведьма.

Гамаюн рвался на свободу, оглушительно хлопая крыльями.

Мальчик не просыпался. Он перелез через ограду и стоял на уступе, прижавшись спиной к балкону в полуметре от Анисы.

– Лучи рассвета меня разбудят, – сказал мальчик и занес ногу для шага в пустоту.

– Энэнен куте! ³ – крикнула Аниса и выпустила из руки лапу птицы.

Гамаюн вскричал и скрылся в ночной темноте. Ведьма подтянулась за ограждение, подхватила Даню и затащила его обратно на балкон.

Минуту спустя мальчик сидел на своей кровати и плакал, утирая пылающую щеку. От затрешины, полученной от Анисы, он окончательно проснулся и теперь дрожал, несмотря на духоту. Откуда-то из-под подушки Даня выудил пластилин и активно разминал его в руках, очевидно помогая себе успокоиться.

– Упустила такую редкую дичь из-за тебя! – кричала Аниса, нависая над мальчиком. – Ты бездарь, бесполезный и ненужный! Перестань скулить или превращу тебя в щенка!

– Хочешь, я могу ее снова позвать? – спросил мальчик, всхлипывая.

Аниса замолкла на полуслове. Даня же поспешно подошел к стеллажу, взял с полки неприметную глиняную игрушку

---

³ Твою мать! (*Tamar.*)

и протянул ее ведьме. Аниса приняла вещицу и присмотрелась. У нее на ладони лежала свистулька, сильно похожая на Гамаюна.

– Как? – только и спросила Аниса.

– Сам слепил. По дедовой тетради. – И, пока ведьма крутила в руках игрушку, мальчик принес старую, еще советскую, общую тетрадь в аккуратной фиолетовой клеенчатой обложке. Аниса пролистала записи старого ведьмака, потом порывисто и крепко обняла мальчишку.

– Так, братец, а ты понимаешь, что это значит?! Это значит, что мы с тобой горы свернем!

Даня смутился оттого, как быстро и легко обрадовал Анису. Слушая планы ведьмы, он украдкой поглядывал на нее и крутил из пластилина тонкую колбаску. Аниса восторженно расписывала их будущие успехи.

– Но для начала я стану тебя учить. Завтра скажу твоим родителям, чтобы каждый день приводили тебя ко мне, – сказала ведьма, надевая рюкзак.

Она поцеловала Данила в лысую макушку, махнула на прощание рукой и вышла из комнаты.

– Лучше ты ко мне приходи... кошкодевочка, – сказал Даня, старательно вылепливая из пластилина маленькие кошачьи ушки.

Глава 4

Аниса выскочила из подвала как из пожара, оставив Марго наедине с усталостью и нелюдимым барменом. Веки отяжелели, ломило зубы, рука нестерпимо зудела, но оставался ещё один разговор.

Бутылка вина так и стояла, одинокая и нетронутая. Марго понимала, что бокал-другой прибавил бы ей сил, но прикасаться к холодному скользкому стеклу не хотелось, словно была в этом некая угроза. Тем более даже отсюда, издалека, чудилось, что несмотря на закрытую пробку, вина в бутылке прибавилось.

Раздался гулкий стук в дверь. На голос Марго вошел смущенный мужчина в застиранной белой рубашке. Он беспрестанно теребил узкое, явно женское, кольцо на мизинце и горбил плечи.

– Вот это да! – ошеломленно выдавил он. – А я думал, розыгрыш.

Что-то в нем было не так. Марго слышала запах пота, невымытых волос, запах смертельной усталости и одиночества. Этот шлейф невозможно не узнать – он всегда следует за чувством вины.

– Вы хотите знать про Энжи? – спросил гость с ходу, встав посреди подвала.

Кот недовольно зашипел и спрыгнул по другую сторону

стойки, словно не собирался иметь с посетителем ничего общего.

– Садитесь, – пригласила Марго. – Хотите кофе?

– Лучше виски, – гость взъерошил сальные волосы, – а еще лучше два.

Бармен не возразил, но не удержался от ухмылки. Две порции легли на дно золотой волной. Посетитель упал в кресло, шмыгнул носом и опрокинул полстакана одним махом.

– Я расскажу, – затараторил он. – Я всё расскажу. Вы должны понять: выбора у нас не было. У нее – не было. Мы всё искали, искали...

Вторым глотком он осушил бокал, оставив на стекле жирные запотевшие следы. Марго молча включила запись на камере.

– Я всё расскажу, – повторил гость. – Только выслушайте меня...

Ирина Векка

Красота

Когда я увидел Анжелу в первый раз, чувство жалости железным прессом вдавило меня в стул. Директриса завела ее в кабинет и попросила любить и жаловать. Класс на несколько минут замер, затем послышались шепотки: «Спереди горб и на спине горб!» Я стыдливо отвел глаза и уставился в учебник истории. Анжеле вместо стула принесли табурет, чтобы спинка не мешала.

Я был двоечником, зато показывал хорошие результаты на всех спортивных соревнованиях. Лучше всего мне давалось тхэквондо, наверное, потому, что занимался им с детского сада. Анжела неплохо училась, и вскоре ее посадили со мной за одну парту. Я списывал у нее по всем предметам. Учителя говорили, что я сплю у нее в тетрадах и ставили мне тройки.

– Ты очень способный, только тупишь иногда, – говорила Желька. – И ленивый, а можешь стать писателем, и по твоим книгам будут снимать боевики.

– Из меня писатель? – Я падал лицом в парту и сотрясался от хохота.

Если пацаны обзывали Жельку при мне, я просто делал долио-чаги (удар ногой) в голову.

Она страдала судорогами. Когда сводило ногу, ее срочно

отправляли в медпункт. Медичка говорила, что пережимаются нервные окончания. Еще у Жельки болели грудь и спина. А я в ужасе представлял, как она спит всю ночь только на боку и не может обнять подушку.

Однажды Желька почувствовала себя плохо на уроке. Классуха отпустила ее домой и попросила меня проводить Жельку и донести ее портфель. Обычно я старался не смотреть на изуродованную горбом грудь, но в этот день я заметил, как маленький крестик на тонкой золотой цепочке выбился из-под блузки.

В подъезде Желька заглянула в свой почтовый ящик, достала газету и сложенный из белой бумаги конверт, перемотанный скотчем. На конверте было написано: «*Сдача 160 руб.*». Я не придал этому значения, а Желька очень удивилась.

В квартире нас встретила черная кошка Дуська. Она мурчала и вертелась у Желькиных ног. Желька положила нераспечатанный конверт на стол в прихожей и расцеловала кошку.

Через неделю на указательном пальце левой руки у Жельки появилось кольцо с необычным узором.

– Желик, тебе кто-то подарил? – поинтересовался я.

– Не-е-е, это мне из цепочки с крестиком перекатали, – выдала Желька.

Как-то на уроке она сломала ноготь до крови и ойкнула от боли. Потом вроде замотала лейкопластырем и попросилась

выйти. Когда Желька вернулась на урок, я удивился. На ее пальце не было ни лейкопластыря, ни крови, а ноготь снова стал длинным. Заметив мое недоумение, она пожала плечами и сказала: «Приклеила!»

На следующее утро Желька пришла в школу с заплаканными глазами.

– Что случилось, Желик? – поинтересовался я.

– Дуська заболела. Мы носили ее к ветеринару. Ей всего два года, а врач сказал, что она такая состарившаяся, как будто ей уже двадцать! – всхлипывая тараторила Желька. – Представляешь? Наделали ей уколов. Врач сказал, должна поправиться.

Дальше начали происходить странные вещи. Жельку как будто подменили. Но не сразу, а постепенно, еле заметно. Горбы стали уменьшаться. На расспросы она отвечала, что нашла хорошего врача и делает лечебную гимнастику. Желька распрямлялась и вытягивалась, как будто кто-то за уши тащил ее вверх.

– Желька, куда ты растешь? Скоро станешь выше меня! – возмущался я.

К концу девятого класса вместо горба из блузки выпирала симпатичная грудь. На спине горб тоже пропал, будто его спилили, как рога Хеллбою, а потом еще пошкурили наждачкой и заполировали, чтобы уж совсем красиво было. Ее большие грустные глаза с опущенными уголками перестали быть грустными.

Я готовился к первомайской эстафете. Вернее, не готовился. Моим коньком был бег на длинные дистанции, и с выносливостью – всё норм. На трехсотметровку мне не хватало скорости. Но днем раньше кто-то заболел, и в срочном порядке выдернули меня.

На главной дороге перекрыли движение, оставляя финишную прямую для бегунов. Спортсмены и болельщики со всех школ кучковались в центре города. Шел противный мелкий дождь, косящий в сторону из-за сильного ветра. На дороге мерзко блестели лужи. Асфальт местами напоминал изъеденную молью шаль. Я уже представлял, как грязь с кроссовок впереди бегущих летит мне в лицо.

Я оглянулся и заметил в толпе наших болельщиков Жельку. Она помахала мне, а я подумал, что опозорюсь, не попаду даже в первую пятерку.

Откуда-то выкатилось солнце, дождь ушел в другую сторону, и ветер метнулся за ним. Лужи как будто стали меньше, и вязкая грязь подсохла.

Мы стартовали, и я даже сумел резко вырваться вперед. Пробежав полдистанции, оказался вровень с противником, не уступающим никому. И тут моя дыхалка дала сбой. Со старта я сразу загнал себя и не мог удерживать скорость. Из последних сил пытаюсь не дать себя обогнать, я боковым зрением видел мельтешение белого рукава и гнал так быстро, как только мог. Но ноги не слушались, противник с цифрой тринадцать на футболке шел на обгон.

Болельщики орали: «Жми! Давай!» На втором дыхании я припустил сильнее, до финиша оставались считанные метры, но я споткнулся и полетел в асфальт, вытягивая вперед руки. Два метра до черты, один метр до черты... Я грохнулся, сдирая кожу на руках, в полной уверенности, что не добежал примерно полметра.

– Молодец! Серёга! Ура! – кричали болельщики.

Бегун с цифрой тринадцать протянул мне руку: «Серж, на полсекунды меня сделал!»

– Что?

Я оглянулся. За мной была финишная черта. Но как? Кто-то невидимый швырнул меня за шкуру через нее или стер черту и перенес ближе ко мне?

Трехсотметровка стала моей новой победой. Я почувствовал себя супергероем, на которого гроздьями вешаются девочки и уважают пацаны. Но в реальности все было немного не так.

Жельку уже не надо было ни от кого защищать, разве только от назойливых поклонников, но она прекрасно справлялась с ними сама.

Стоило кому-то обидеть ее, как с человеком происходила какая-то нелепая история. Косо посмотрел – споткнулся. Толкнул – ногу себе сломал. Обозвал – попал в неловкую ситуацию и стал посмешищем всей школы. В общем, обижать Жельку стало себе дороже.

А ей было не до меня. И я снова скатился на двойки. По-

нимая, что завалю экзамены, я хмурым привидением сидел на уроках. Если бы не ЕГЭ, учителя, помня о моих спортивных заслугах, натянули бы мне тройки, а теперь у меня не было шансов.

Желька, чувствуя мое плохое настроение, сказала, чтобы я не вздумал прогулять экзамены, сдам как-нибудь. И я сдал. Не знаю как, просто не помню. Эйнштейн в меня вселился или, может, Ломоносов? Или Желька помогала мне.

После экзаменов Желик, вся заплаканная, позвонила и сказала, что Дуська умерла. Мы взяли окаменевший труп кошки, завернутый в вафельное полотенце, и железную лопатку для цветов. Я раскопал в парке за стадионом неглубокую яму, и мы похоронили Дуську.

Никто у Жельки надолго не задерживался. Дохли хомячки, всплывали кверху брюшками рыбки, откинулась крыса и приказала долго жить морская свинка. Даже цветы в горшках вяли, не простояв и недели.

В десятый класс мы не пошли. Оказались с Желькой в разных колледжах. Слышал, что Желька заняла первое место в городском конкурсе красоты. Подумать только – Желька!

С упорством маньяка я следил за ней в социальных сетях. Маньяка, который боится навредить своей жертве. А если поймает, то не будет знать, что с ней делать. Одержимость – так можно назвать мое чувство к ней. А может, жертва – это я?

Я подрабатывал тренером в спортивном клубе. В моих

учениках оказался сын Желькиной сестры Насти. Когда после тренировки за ним пришла бабушка, я узнал, что Настю сильно избил сожитель.

Я пришел навестить ее и поинтересоваться, кому по тычке надавать.

Настя лежала на кровати с заплывшими от гематом глазами и запекшейся кровью на губах. Желька уже дежурила возле нее.

– Это сделал Руслан, – прошептала Настя.

– Серж, не лезь, – осадила меня Желька. – Мы с ним сами разберемся. От этого клопа только мокрое место останется! Дылдочка моя любименькая. – Желька поглаживала руки сестры.

Через несколько дней в группу «Подслушано Чернотопск» просочилась информация, которую вскоре удалили. Ужасная смерть Руслана Борискина. К мусорным контейнерам трехэтажки, в которой он проживал, выставили залитый кровью диван. Криминалиста, который вошел в квартиру Борискина, отпаивали валерьянкой, остальных вытошнило при виде останков. Тело выглядело так, как будто его разорвал медведь. Но в местных лесах Чернотопска, и уж тем более в городской черте, медведи не водятся.

Когда я попытался по телефону обсудить с Желькой заметку о смерти Руслана, она отрезала: «Зря его так быстро разорвали, он прощения у Насти не успел попросить».

– Кто разорвал? – спросил я.

Желька промолчала.

– Желик, ты меня слышишь? – на всякий случай уточнил я.

– Серёжа, я замуж выхожу!

– Поздравляю! – ошарашенно выдавил я. – За кого?

– За Юру Шапкина.

Я стал припоминать Шапкина, известного в нашем городе предпринимателя. Молодого завидного холостяка.

– На свадьбу пригласишь? – зачем-то спросил я.

– Серёж, не стоит тебе приходить.

– Желька, мы больше не друзья?

– Сергей! Я что, желе тебе или желатин? Хватит звать меня Желька!

– Анжела?

– Энжи! И хватит ходить за мной! Я же вижу, как ты смотришь на меня! Юра очень ревнивый. Пристрелит тебя где-нибудь.

– А тебя?

– Меня? Не-е-ет. Я его богиня!

Я шел домой, разглядывая черные трещины в сером асфальте. Вот и моя жизнь слилась в серое треснувшее полотно, как будто противник отработал на мне ап-чаги и я отдыхаю лицом вниз, ощущая щекой зернистость щебня и вдыхая битумную пыль. На автомате я свернул в алкомаркет, затарился по полной и неделю не просыхал.

Но все-таки я очухался. Отдельным достижением, кото-

рое требовало регулярного поощрения, стало избавиться от зависимости следить за Энжи в соцсетях. Я выходил на утренние пробежки со своим питбулем Питом, а вечерами учил материться попугая Попку. И мне казалось, что одержимость отступила.

Меня выбил из колеи звонок нашей школьной красавицы Наташки.

– Серёж! Приходи на встречу одноклассников. В эту субботу в ресторане «Алмаз» в 18.00.

– Спасибо, Наташа. Может, и приду.

– Что значит «может»? Явка строго обязательна! – Она хихикнула в трубку.

Я не собирался идти, но без пяти шесть зачем-то натянул джинсы, новую футболку и белые кроссовки.

Ресторан засел на втором этаже торгового комплекса. Стекланные стены создавали панорамный вид на главную площадь. Я вышел из машины и вглядывался в окна. Искал причины, чтобы не входить. Мимо проплыли две одноклассницы.

– О, Серёга, привет! – Они подхватили меня под руки и повели на второй этаж, обдавая запахами духов и пота. – Какие мускулы накачал! Ты всегда был спортивный, только худой. А сейчас как с картинки журнала!

Я замечал выбивающиеся седые волоски одноклассниц, их обрюзгшие бедра, обтянутые блестящими платьями, неестественно мохнатые ресницы, словно из шоу трансве-

СТИТОВ.

Не хотелось ничего заказывать, и я решил уйти по-английски. Но тут мне привиделась Энжи, и я готов был молиться, чтобы видение оказалось правдой. Судя по реакциям окружающих, Энжи видел не только я. Она голливудской звездой проплывала мимо столиков. Очень молодой звездой. Как будто ей двадцать два, хотя я прекрасно помнил, что тридцать четыре.

Я подался навстречу и обнял ее, ощущая нереальное волнение:

– Знал бы, что ты придешь, Энжи, купил бы цветы.

– Серж, не стоит, – ничуть не смутилась она.

Я хотел сесть рядом с Энжи, но одноклассницы прилипли ко мне суперклеем и не соглашались меня никому уступать.

– Ангела первого мужа похоронила, – трещали они. – Так и живет в его таунхаусе.

– А что, был еще второй муж? – удивился я.

– Да. Со вторым она развелась, но он умер через полгода после развода. И ведь выбирает все помоложе да побогаче! Все соки из мужиков выжимает и выбрасывает на помойку как отработанный хлам. Витьке, вон, двадцать пять, а как связался с ней, уже на все сорок выглядит и по больницам забегал. Наверное, тоже скоро загнется. А она то ли от пластических хирургов не вылазит, то ли ведьма! – с вытаращенными глазами вещала бывшая отличница Оля.

– Да ну, какая ведьма? – фыркнула зубрилка Надя. – Ты

веришь в эти сказки? Денег просто девать некуда, вот и омолаживается без ума, без памяти. На мой вкус, так Анжелка сильно перебарщивает. Скоро совсем уже на школьницу станет похожа! Без паспорта спиртное в магазине не купит.

Я был взбудоражен и не мог оторвать глаз от Энжи. Когда заиграл медляк, я пригласил ее танцевать.

– Энжи, выходи за меня! – зачем-то сказал я.

– Нет, Сержик! Я плохая девочка, очень плоха-я.

– И что в тебе плохого? – спросил я, ближе прижимая ее к себе.

– Я ведьма! – засмеялась она. – Заколдую тебя, и ты состаришься и умрешь, – шептала Энжи, притрагиваясь губами к моему уху.

– Давай проверим! – отшучивался я. – Поехали ко мне?

– Сучка горбатая! – послышался за спиной шепоток.

Я посмотрел в полные ярости глаза Энжи. Как будто выдернули предохранительную чеку и взрыв сейчас все разнесет здесь к чертовой бабушке. Я боялся, что Энжи расквасит однокласснице голову об стол и ее посадят.

– Все нормально, Энжи. Она просто завидует, – как можно спокойнее сказал я, пытаясь вернуть чеку на место. – Наслаждайся!

Энжи улыбнулась дьявольской улыбкой, чмокнула меня в щеку, и мы вышли из ресторана.

В лифте мы целовались как подростки, и я скользил руками по ее идеальному телу, вновь и вновь убеждаясь, что нет

никаких горбов. В голове зудела дурацкая мысль, что Анжелу подменили.

Когда мы ввалились в квартиру, с порога срывая друг с друга одежду, Пит вместо обычного хозяйского рыка боязливо заскулил и спрятался под ванну. Матершинник Попка на удивление не проронил ни звука.

Энжи ничего не стеснялась. Мы кувыркались весь вечер и уснули голыми в обнимку.

С утра надрывался мобильник:

– Серёженька, с тобой все в порядке?

– Мам, все нормально.

– Мне сказали, что ты ушел вчера с Анжелой и больше не выходил на связь. Про нее такие слухи ходят! С тобой точно всё в порядке?

– Мам, сейчас неудобно говорить, позже перезвоню.

Ангела стояла в моей белой рубашке на голое тело и держала в руках бездвижного Попку.

– Энжи, ты что, шею ему свернула? – обалдел я.

– Ты за живодерку меня принимаешь? – оскорбилась она.

Мне хотелось ей верить, и я убеждал себя, что смерть Попки – простое совпадение. Я пошел разыскивать Пита, ему явно пора было на утреннюю пробежку. Пит обнаружился под ванной.

– Дружище, хоть ты жив!

Энжи не выходила от меня двое суток. Это был мой персональный рай. Она пекла мне булочки и разгуливала по квар-

тире в нижнем белье. Ни один пластический хирург не смог бы сотворить такую красоту! Топ-модели, увидев ее, закурили бы нервно в сторонке. Персиковая кожа, русые волосы по плечам волнами до сочной груди, тонкая талия, песочными часами плавно переходящая в округлости бедер, длинные ноги с тонкими щиколотками и точеными икрами... Я не понимал, как все части ее тела могут настолько сочетаться по форме и размеру! Каждая часть – произведение искусства. Как будто ее нарисовали для компьютерной игры, в которой она была богиней.

– Энжи, для чего ты заказала кучу цветов? Они заполонили все подоконники. Ты же не умеешь за ними ухаживать!

– Так надо, Сержик! Поверь, так надо.

Пит отказался от утренних пробежек. Его вывернуло прямо у миски с едой.

– Энжи, ты что, отравила Пита? – обеспокоенно спросил я.

От обиды, что я мог такое подумать о ней, Энжи расплакалась.

– Мне пора, – сказала она, надевая платье и хватая сумку.

– Не пущу! – Я прижал ее к себе.

– Ты не понимаешь! Если я останусь, Пит умрет! – пыталась вырваться она.

– Так всё, что говорят о тебе, правда? – в ужасе выпалил я.

– Смотри! – Энжи подошла к подоконнику с цветами.

Вялые листья выгоревшими патлами свисали с горшков.

– Ты забыла их полить? Еще вчера они были свежими!

– Потрогай почву.

Я сунул палец в горшок:

– Влажная. Может, ты их залила?

– Смотри! – Энжи стала водить ладонью по листьям.

– Водица моя, наполни меня Родниковой, ключевой свежей каплею жи...

– Стоп! – крикнул я, видя, как земля в горшках высыхает до трещин, а листья осыпаются трухой. – Я не хочу слышать и видеть это!

– Осторожнее со словами! Так глухим и слепым можно остаться.

– Так... отвезу Пита к ветеринару. Зачем ты это делаешь? Тебе никого не жалко?

– Я уже это не контролирую. Могу только ускорить, но не могу отменить. Я не хочу причинять тебе вред.

– А я не верю, что ты можешь мне навредить, – уверенно выпалил я, как будто рубильником отключили мой инстинкт самосохранения. Я не чувствовал ни капли страха за себя. – Ну закажи еще цветов! Купи тараканов, их не жалко, или мотыля. Поедешь со мной и Питом в клинику?

– Да, – на удивление быстро согласилась она и поцеловала меня так, будто мне завтра на войну.

Чтобы никого не задавить по дороге (я не был уверен, что не схожу с ума), я предусмотрительно вызвал такси.

В ветклинике договорился на длительную передержку Пи-

та, оплатив несколько месяцев вперед. Обратно мы с Энжи пошли пешком.

– Помнишь конверт со сдачей? – нарушила молчание она.

– И что с этим конвертом не так?

– В конверте лежали сто шестьдесят рублей и записка с адресом: «Кукурузная, 10». Я отдала конверт маме, но ни мама, ни Настя не поняли, от кого сдача и за что. Ни один из наших родственников и знакомых не жил на улице Кукурузной. Мы решили, что кто-то просто перепутал почтовые ящики. Вечером мы с мамой пошли возвращать деньги.

В доме жила старушка Сина. Она с порога так заговорила маму, что та даже забыла достать конверт из кармана. Обещала помочь мне, вылечить. Сказала, что потребуется не один сеанс. Прием у нее стоил триста сорок рублей. Обработанная мама подала ей пятисотку. Баба Сина поила меня травяным настоем и мазала пахучей мазью. После первого сеанса мне перестало сводить ногу судорогой. Мама договорилась, что я буду ходить к бабе Сине два раза в неделю.

Мы пришли домой, и мама спохватилась, что баба Сина не дала сдачу с пятисотки, а потом достала конверт из кармана и чуть не упала, когда пересчитала – сто шестьдесят рублей.

Ну, ты, наверное, заметил, что мне стало значительно лучше. Перестало давить грудь и ломить спину.

– Да уж!

– Только растения и животные стали умирать, а потом и люди. У моего дара есть обратка. Побочный эффект.

– А какой у тебя дар?

– Я стала ходить на лечение к бабе Сине. Она показала мне книгу заклинаний. Ну, там, чтобы пятерку получить или мальчика приворожить. Я начала с легкого заклинания, и у меня получилось.

– Да ну! Что у тебя получилось? По-любому, это совпадение! Да и вообще, зачем это надо? Люди что, твоя собственность?

– У заклинания был побочный эффект. Дома на окне в моей комнате завяла герань.

– А что ты загадала? – Меня начинало мутить.

– Это неважно. Слушай дальше. Я сразу не сопоставила заклинание и цветок. Баба Сина сказала, что долго не проживет, а когда умрет, книга достанется мне. Чтобы магия не причинила мне вред, нужна защита – амулет. – Энжи продемонстрировала мне кольцо, которое носила со школы.

– А при чем здесь дар? – перебил ее я.

– Баба Сина умерла, а ее внук принес мне книгу. Моя сестра тоже пробовала выполнять заклинания, но у нее они не срабатывали. Когда заболела Дуська, я поняла, что это обратка магии, и решила завязать – избавиться от книги. Но, что бы я с ней ни делала, кому бы ни отдавала, куда бы ни выбрасывала, – она всегда возвращается ко мне. А я не могу сдержаться. И снова начинаю колдовать. Когда мне исполнилось шестнадцать, у мамы обнаружили рак на четвертой стадии. После этого я перевелась на заочку и устроилась рабо-

тать, чтобы снимать квартиру. Я съехала от нее. Маме сделали операцию, и она поправилась.

– Тогда поехали за книгой. Я быстро с ней разделаюсь! – предложил я.

Заиграл мой мобильник. О, щит! Маме забыл перезвонить. Чтобы Энжи не сбежала, пока я докладываю матери, что со мной все в порядке, я подхватил Энжи за руку и потащил к себе домой.

Пока мы поднимались на лифте, я покрывал ее поцелуями и требовал продолжения нашего двухдневного рая. Мой мозг отказывался верить в какую-то всесильную книгу с обратной и прочую дичь.

– Ты хотел увидеть книгу? – напомнила Энжи.

– Книга подождет. – Я взял Энжи на руки и понес на кровать.

Вечером в домофон позвонил курьер.

– Ты что-то заказывала? – спросил я.

В квартиру выгрузили клетку с двумя пестрыми перепелками.

– Энжи, а не проще было просто купить яйца или заказать омлет? – пошутил я.

– Серж, пока они живы, ты – в безопасности, – строго посмотрела на меня она.

– Я не пойму, кто из нас сошел с ума? Ты или я? – спросил я.

– Оба, – ответила она.

Я включил стендап и обнял Энжи. Мы хохотали, дурачились и играли в танки на приставке. Я наслаждался моментом, стараясь не обращать внимания на закатившийся куда-то глубоко под кожу свинцовый шарик тревоги.

– Мне с тобой по-настоящему хорошо! – шептала Энжи, но мне казалось, что свинцовый шарик проник и к ней.

К утру одна из перепелок умерла. Энжи занервничала, а у меня от напряжения задергался глаз. Я выпил полбутылки виски и сказал: «Едем за книгой!»

В таунхаусе было уютно. Энжи всучила мне книгу. Серую и невзрачную. На замусоленной корочке зелеными буквами еле читались слова: «Книга магии». Я стал листать ее, попутно пробегая глазами: «Легкий приворот. Чтобы вызвать симпатию у человека... Выколоть глаза на фотоснимке...»

– Что за ересь? – Я перевернул еще пару страниц. – «Сильный приворот. Взять бычье сердце... В полночь на кладбище проткнуть ножом, приговаривая...»

– Энжи, ты что, делала это? – спросил я с отвращением.

– Будь уверен, тебя я не привораживала ни-ког-да! Ты сам приклеился.

Я вышел на балкон и со всей дури швырнул книгу на улицу. На Энжи это действие не произвело ни малейшего эффекта. Тут же в дверь позвонили.

– Извините, это выпало из вашего окна, – сказал прохожий, протягивая книгу.

Энжи молча смотрела на меня, типа, я же тебе говорила.

Тогда я нашел металлический тазик, положил в него книгу и поджег. Мы вместе смотрели на языки пламени и ждали, пока останется только пепел. Я залил пепел водой и смыл в унитаза.

– Поехали в кино! – предложил я.

– Надо проверить перепелку, – забеспокоилась Энжи.

– А давай купим дом, заведем хозяйство. Куры, там, гуся, – предложил я.

– И вскоре за нашим домом вырастет кладбище домашних животных, – на полном серьезе ответила Энжи.

Запел мобильник. Мама. Я отключил звук.

– Ответь, – попросила Энжи.

– Привет, мам! Что хочешь? Я немного занят.

– Серёженька! Я у тебя в квартире. У тебя тут какая-тодохлая курица. А где попугайчик? Ты гуляешь с Питом?

– Мам, я повез Пита на прививку. Пока!

– Перепелка умерла? – побелела Энжи. – Теперь ты в опасности.

– Почему? Я же уничтожил книгу! И прекрасно себя чувствую, – ответил я, часто моргая левым глазом.

– Смотри! – Энжи принесла еще мокрый металлический таз.

В нем лежала книга.

– Наверное, их много. Большой тираж. «*Дурацкая книга. Большие не возвращайся ко мне*» – начеркал я трясущейся рукой на первой странице. – Энжи, собирайся, вызываю такси.

Мы утопили книгу в пруду у церкви. Отпраздновали это дело в кафе и поехали ко мне.

В моральном опустошении я упал на кровать и уснул. Утром, обнимая Энжи, приоткрыл глаза. На прикроватной тумбочке лежала серая книга. Абсолютно сухая. На первой странице моим почерком было накалякано «*Дурацкая книга. Большие не возвращайся ко мне*».

Я принял ледяной душ, посмотрелся в зеркало и отхлопал себя по щекам.

Першило в горле и слезились глаза. Я пару раз кашлянул, а потом громко чихнул, разбудив Энжи.

Мы попили кофе.

– У тебя аллергия, – трагично сказала Энжи, как будто я заразился сибирской язвой.

– Фигня! Наверное, съел что-то вчера.

– Я пойду? – спросила она, избегая объятий.

– Никуда ты не пойдешь! Со мной все нормально! – крикнул я, злясь на себя и на нее.

Я вызвал клининговую компанию и выпил антигистаминные. Энжи приготовила отварную индейку и запекла цветную капусту.

К вечеру все тело зудело, а на руках появилась сыпь. Энжи сочувственно смотрела на меня и старалась не прикасаться, даже спать ушла в другую комнату. Я записался к аллергологу. Всю ночь ворочался, расчесывая руки и ноги в кровь.

– Энжи, ты представляешь? Аллергия есть, а на что, не

выявили. – Я продемонстрировал исчерченную кожными пробами спину.

– Ты мог бы и не делать этого. Я знаю, на кого у тебя аллергия.

– На перепелку? На виски? – перечислял я.

– На меня, – отрезала Энжи. – Я тебя предупреждала. Ты не отпускаешь меня. Скоро ты умрешь.

Из ее глаз ручьями бежали слезы, и я не знал, кого мне больше жаль, Энжи или себя.

– Что значит, не отпускаю? Я приковал тебя наручника-ми? Запер в квартире?

– Так я могу уйти?

– Можешь, – сказал я и со всей силой ударил кулаком в стену.

Энжи ушла, прихватив книгу. Я пару минут тупил, а потом припустил за ней в домашних тапочках.

– Ты же отпустил меня? – задала риторический вопрос она.

– А ты меня нет, – запыхавшись, выдавил я.

– И что мне с тобой делать? У тебя уже одышка.

Я утвердительно прокашлялся, но пошел за ней.

У входа в таунхаус Энжи ждал мужчина, на вид – старше меня, худой и с темными кругами под глазами.

– Кошечка моя! – Он попытался ее обнять, но она увернулась.

Я встал между ними, готовый уложить его на лопатки.

– Серж! Иди пока в дом. Меня не нужно защищать, я сама раз-бе-русь. – Энжи дрожащей рукой протянула мне ключи. Она была бледной как мел, и я подумал, не заболела ли она.

Я медленно ворочал ключом, намеренно долго не попадая в замочную скважину. Энжи уводила мужчину от дома, тихо и упорно ему что-то объясняя.

– Кто это был? – спросил я, когда она вернулась.

– Да так, старый знакомый. – Энжи с грустью оглянулась, проследив взглядом за устало удаляющимся силуэтом.

Только мы поднялись на второй этаж, как у Энжи зазвонил мобильник.

– Привет! Не могу сегодня. Завтра вечером? – растерянно переспросила она.

А я слышал в трубке бодрый мужской голос.

– Завтра ты тоже не сможешь! – Я выхватил у нее мобильник и махнул, чтобы разбить его об пол, но вместо этого просто нажал «отбой».

– Серж! Что ты вытворяешь? – в сердцах крикнула Энжи. – Тебе же будет лучше, если у меня появится кто-то еще!

– Ты шутишь? Позже обсудим...

Наверное, в этот момент мне следовало бежать из ее дома без оглядки. Но я не хотел.

Она нервничала и пыталась меня в чем-то убедить, от волнения запинаясь и путая слова. Я не хотел ничего слушать и закрывал ей рот поцелуями. Она пыталась отстраниться, но

я был сильнее, и Энжи сдалась. Я чувствовал, что она хочет меня. Ее платье полетело на пол, а следом моя футболка и штаны.

Мне стало трудно дышать. Голова закружилась, и нестерпимая слабость повалила меня. Горло пронзила резкая боль. Теряя сознание, я видел глаза Энжи, такие испуганные, как будто она ощутила катастрофу мирового масштаба.

Очнулся с катетером в руке в палате больницы. Крупные капли дождя разбивались о серое стекло и выстукивали по железному карнизу. Первое, что вспомнилось, – ужас в глазах Энжи, как будто я уже труп. Я попросил мобильник и набрал ее номер.

– Серж! У тебя был анафилактический шок! – срывающимся голосом ответила она. – Тебе вкололи адреналин, а потом поставили капельницу.

– Ты где? – спросил я, ощущая, что мне становится лучше.

– Я напротив больницы через дорогу. Боюсь к тебе подходить, – говорила Энжи, пробиваясь голосом сквозь гул проезжающих машин и шуршание дождя. – Не хочу, чтобы ты умер. Не приходи ко мне больше! Не приходи! Слышишь, Серж?

– Ты же знаешь, что я все равно приду, – заверил я.

– Я тебя очень прошу, пока не приходи. Я что-нибудь придумаю и позвоню тебе, – просила она.

– Хорошо. Только придумай побыстрее, а то я долго не вытерплю.

– У меня есть мысль... Можно попробовать... Сина провела надо мной обряд. Но я хочу отказаться от дара. У тебя были такие глаза, когда я высушила цветы! Мне со стыда хотелось выпрыгнуть в окно. А когда ты отдавал Пита на поддержку, я думала, у меня разорвется сердце. Я так больше не могу...

– Может, тебе нужна моя помощь? Я хочу посмотреть, как ты откажешься от дара.

– Не надо строить из себя камикадзе, Серж! Это небезопасно.

– Что небезопасно? Для кого?

– Обряд. Для всех, но особенно для меня.

– Как это? Объясни, я не догоняю. Что может случиться?

– Все может случиться. Совсем всё... Целую! – Энжи отключилась.

Время тянулось липким гудроном, волочилось за ногами, обездвиживало, топило в черной жиже. Я не выпускал из рук мобильник, бесконечно тыкая по экрану в поисках новых сообщений или пропущенных звонков.

Я вздрогнул, когда телефон наконец зазвонил. Энжи провела для меня инструктаж, и я пообещал, что сделаю все, как она сказала. Спорить было бесполезно, она все решила.

Ближе к двенадцати ночи я был у нее.

Энжи, абсолютно голая, стояла в металлическом тазу. Вокруг горели свечи, освещая идеальные пропорции тела. Я не мог отвести глаз и любовался ей. Хотелось ее касаться, неж-

но поглаживать, крепко прижимать. Но она как будто ушла в себя, отгородившись от меня серьезным взглядом.

Рядом стояли ведро с водой и ковш. Книга, фонарик и топор лежали на столе. Энжи дрожала, хотя в доме было тепло. Под глазами отеки, как будто она ревела несколько дней, решаясь на что-то фатальное. При этом никакие эмоции не портили идеальной красоты ее лица, мимика оставалась спокойной и привлекательной. И тут шарик тревоги взорвался во мне от осознания, что «совсем всё» может быть совсем. Всё. Для нее.

Я вспотел. Страх зарядил мне в дыхалку, и я неритмичными рывками хлебал воздух.

– Принеси первый снег, – попросила она.

– Энжи, ты в своем уме? На улицу-то давно выходила? Вообще-то лето на дворе. Где я тебе снег возьму? – нервно проворчал я.

– В морозилке лежит пакет, – раздраженно ответила она.

Я сбегал на кухню и достал снег из холодильника. Тело чесалось, и слезились глаза. Хотелось самому обтереться снегом, чтобы унять зуд.

– Серж, подойди ко мне, – попросила она. – Вываливай снег в таз.

Все уже было готово, но она медлила. Я зашелся сухим кашлем. У нее полились слезы, собираясь каплями на подбородке.

– Может, не надо? – спросил я. – Наверняка есть другой

способ.

Она отрицательно мотнула головой.

– Надень. – Энжи сняла свое кольцо, когда-то перекатанное из маленького крестика на тонкой цепочке, и подала его мне.

Трясущимися руками я попытался натянуть кольцо хотя бы на мизинец, получилось только наполовину.

– Теперь отойди! – скомандовала Энжи. – И не прикасайся ко мне, что бы ни случилось, пока я не закончу. Ты понял?

Она зачерпнула ковшом воду и стала лить себе на голову. Ее голос гудел в моей голове:

Лей воду, пей воду,
Дар бери, давай свободу!
Отрекаюсь, отдаю. Отрекаюсь, отдаю.
Снегом талым, росой васильковой
Смывается время мое,
Гаснет искра твоя,
К себе прежней возвращаюсь.

Мне стало мучительно жарко. Когда Энжи повторяла свою речь во второй раз, свечи вокруг нее разгорелись костром.

Я метнулся тушить пожар, но она рукой показала мне: «Стоп!» Пламя разрасталось, и я уже не видел Энжи, но слышал ее слова: «Лей воду, пей воду...»

Сзади послышался гул. Я побежал на кухню. Из крана

полным напором лилась вода. Я закрыл кран, но вода не остановилась. Гул слышался и из ванной тоже. В санузле выбило заглушку на трубе, и вода хлестала фонтаном. Я пытался перекрыть кран, а вода все бежала и бежала. Мне мешало кольцо, я боялся, что его смоет водой и план Энжи не работает. Я доверял ей.

Вскоре воды стало по щиколотку, и я кинулся обратно в комнату. Вода была уже и там, но огненное кольцо не гасло, а комната наполнялась паром. У меня подкашивались ноги, и я долбанулся об косяк головой.

Искристо замкнуло проводку, и со щелчком выбило пробки на электрощитке.

Я не знал, вызывать ли пожарных, или аварийную службу, или неотложку, или всех сразу. Какие же мы с Энжи психи! По нам смиренные рубашки плачут. И во всей этой вакханалии голос продолжал: «Отрекаюсь, отдаю. Снегом талым, росой васильковой...»

Я встрепенулся, когда Энжи замолчала. Как будто кто-то перекрыл воду и потушил огонь. Я включил фонарик и метнулся к Энжи.

Она сидела на полу, ступни ее оставались в тазу.

– Все нормально? – с надеждой спросил я.

– Серж, открой окно, надо проветрить, – всхлипывая, сказала она и застонала, прижимая руки к груди.

Я опустился возле нее и помог ей вытащить ноги из таза. Она продолжала стонать и сжиматься, как будто стены, пол и

потолок одновременно давили на нее. Я схватил мобильник, чтобы вызвать врача, но он, сволочь, разрядился.

– Что? Что дать тебе, Энжи? Где у тебя аптечка? – Я заметался по комнате, но не мог оставить ее.

На груди и на спине Энжи пробивались бугры, я почувствовал себя в кошмарном сне, из которого не выбраться. Бугры росли, а Энжи корчилась от боли и подвывала, подавляя крик. На лбу собирались складки, сетка морщин натягивалась вокруг глаз, опуская отяжелевшие веки, кожа морщилась и обвисала, волосы теряли цвет.

«Нет! Стоп!» – мысленно вопил я, стараясь не причинять Энжи еще больше страданий своим ужасом.

Я потер глаза и дал себе пощечину.

– Энжи, что мне делать? – Мне казалось, я схожу с ума.

– Серж, зови меня как раньше – Желька, – выдавила она измученно.

Я лег на мокрый пол и заорал.

– Сереж, не надо. Кто-нибудь полицию вызовет.

Преодолевая тошноту, я помог Жельке подняться, проводил ее до кровати и укрыл пледом.

– Ты забыл разрубить книгу, – слабым голосом сказала она.

Я положил голову на ее бедро и разревелся, как маленький ребенок.

– Это надо сделать, Серёжа. Пожалуйста. Ты обещал.

Я раскрыл книгу. Замахнулся топором и рубанул. А потом

еще раз – крест-накрест. И еще! И еще! И еще. Рубил до тех пор, пока не сломался стол.

Желька лежала в кровати. Сухонькая, как будто из нее выпили всю воду, без капли слез.

– Сережа, тело лучше кремировать.

– Чье тело? – не понял я.

– Мое. Не сейчас, после моей смерти.

– Желька! Живи. Мы что-нибудь придумаем.

– Что с аллергией?

– С какой? Не понял.

– Сыпь прошла?

Я посмотрел на свои руки.

– Прошла.

– Все получилось. Иди. Я не хочу, чтобы ты видел, как я... И передай моей маме, что я ушла от нее не потому, что боялась за ней ухаживать после операции. Я просто хотела, чтобы она жила. И не вздумай грустить, когда я умру. Ни дня! Слышишь?

Я целовал Жельку и гладил по белым волосам, распутывая скомканные пряди: – Зачем ты это сделала? Зачем?

– А ты бы смог никогда не подходить ко мне и не искать меня?

– Нет. Но ты могла бы сделать так, чтобы я никогда тебя не нашел.

– Я бы не отказалась от тебя.

– Ну, так и оставили бы всё, как есть. И я бы счастливо

скончался.

– Я хотела жить вместе с тобой, стариться вместе и умереть в один день. Или не стариться вместе. Не стариться ты не согласишься. Ты слишком хороший. А по-другому уже не получится, извини...

Кремировать тело не стали. Похоронили. Прихожу теперь на кладбище и говорю: «Не так уж и хорош был твой план, Ангелочек. Надо бы что-то получше придумать». А она как будто стоит за моей спиной, трогает меня за плечо и шепчет ветром: «Мы всё правильно сделали, Серёжа. Правильно», – и целует меня в щеку.

До сих пор ношу ее кольцо на мизинце.

Глава 5

Отпустив несчастного Серёжу в полном раздрае, Марго почувствовала, что больше не выдержит. Бармен, кажется, обрадовался, а кот пожелал остаться с ним.

Ночь не принесла облегчения. Город спал тревожно: то вспыхивали проблесковые маячки, то раздавался гул, а Марго чудилось, что летит в черноте неба человек без крыльев, летит ровно и радостно. Сколько их здесь, тех, кто может преодолевать притяжение и условности? И как им живется друг с другом?

На улице зазвенела сирена скорой помощи, и Марго поспешила закрыть окно. Сна оставалось на пару часов.

Утром город встретил ее руганью автомобильных клаксонов в пробке, спешащими прохожими и воробыиной перекличкой в кустах боярышника. Как будто совершенно обычный город, не радушный и не враждебный. И если бы не тауировки на руках, Марго могла бы ему поверить.

Бармен ничуть не переменялся. Чистые бокалы симметричной пирамидой выстроились за его спиной. На мгновение Марго показалось, что их стало больше и виски в бутылках как будто прибавился, хотя они выглядели такими же нетронутыми, как накануне. Патефон сонно сипел, добравшись до центра пластинки. Бутылка вина, забытая вчера на столике, ловила блики света стеклянными плечами.

– Как тебя зовут? – спросила Марго бармена.

– Виктор, – отозвался он равнодушно.

– Давно здесь работаешь?

Бармен нахмурился не ответив, занялся кофемолкой. И когда Марго уже совсем забыла о своем вопросе, углубившись во вчерашние записи, за ее спиной вдруг раздался голос:

– Всю жизнь.

Она обернулась через плечо. Виктор налил себе виски и смотрел на нее сквозь бокал. Кот скользнул на стойку, потерся головой о приподнятую руку бармена – видно, за ночь они поладили.

Дверь медленно приоткрылась, нарушив их уединение. Сперва в щель просунулась голова в смоляных кудрях, следом – узкие плечи, и в конце концов пружинисто вошла вся девушка.

– Ой, как тут интересно! – Она с любопытством осматривала шитый золотом гобелен на стене и ряды пыльных книг на полках. – Только... мрачновато.

Марго наблюдала за ней настороженно, как и Виктор. Зато кот радостно вынырнул из-за барной стойки и потерся о ноги посетительницы.

– А это *вы* мне письмо прислали? – просияла незнакомка.

В ее глазах читалось не только любопытство, но и опыт, который она, к своему счастью, пережила, но который все еще возвращался к ней в кошмарах. То, что сделало ее силь-

нее, едва не убив.

– Да, я. Меня зовут Маргарита.

– А меня – Соня, очень приятно. Я думала, никто уже бумажных писем не пишет.

С ней можно было бы и без витиеватых оправданий, но Марго отчего-то стало стыдно. Соня действительно еще не понимала, зачем ее позвали на край города, в безлюдный переулок.

– Мне интересны твои способности, – осторожно начала Марго, но гостья тут же погасла, побелела и отшатнулась.

– Соболезную, – опустив глаза, тихо произнесла Соня. – Только я переквалифицировалась и не хотела бы...

Она нервно сглотнула и попятилась к двери.

Проснувшийся патефон тихо заиграл медленную, надрывную мелодию. Соня остановилась, вросла в пол и только судорожно переводила взгляд с Марго на Виктора, будто беззвучно звала на помощь.

– Ты не поняла, – успокоила ее Марго. – Я не хочу, чтобы ты воспользовалась даром. Я хочу, чтобы ты мне о нем рассказала.

Соня прикусила губу, и тогда кот поднялся на задние лапы, передними опершись на колено гостьи, и протяжно мяукнул в тон патефону.

– У меня тоже кошка, – на мгновение просияла Соня, – Стеша зовут.

А затем, растеряв вдруг уверенность, добрела до кресла и

рухнула в него как подстреленная. Кот вспрыгнул на спинку, обернул Сонины плечи меховым воротником.

– Понимаете, – тихо сказала Соня, глядя в камеру, – нельзя было иначе. Я ведь очень его любила. И до сих пор люблю.

Марго кивнула, нажав кнопку.

Запись началась.

Ольга Есаулкова

На всякий случай жизни и смерти

Дверной звонок прокашлялся и хрипло затарахтел, а в дверь глухо, но настойчиво постучали. Соня сглотнула горькую тягучую слюну, одернула длинную бирюзовую тунику и, пошатнувшись, подошла к двери. Черт побери, главное, в обморок не грохнуться, тогда они точно всё узнают. Не надо было ей звонить. Просто она очень испугалась и не успела подумать.

Соня на несколько мгновений приложила горячий лоб к тяжелой и спасительно прохладной деревянной двери, медленно подышала и уже под невыносимый лай второй волны звонка резким решительным движением ее распахнула, и так же резко с улицы прямо в лицо Сони влетел порыв морозного игольчатого воздуха.

– Вызывали? – безо всякого приветствия сказала, словно плюнула, невысокая и острая, как сосулька на крыше, докторица в кургузой коричневой куртке поверх белого халата и попыталась войти, потеснив Соню.

Соня удержала напор и подалась немного вперед, отесняя докторицу от двери.

– Я не вызывала, это, наверное, ошибка какая-то, – строго проговорила Соня и нахмурила брови.

Она всегда так делала, когда в банк, где Соня работала главным финансистом, наведывались аудиторы – вечно угрюмые и медлительные как сомнамбулы.

– Вы знаете, что за ложный вызов... – начала было докторица, но Соня не дала ей договорить:

– Вот и разбирайтесь с теми, кто вызвал, а у нас всё в порядке.

Докторица посмотрела с нескрываемым презрением и ненавистью на Соню, развернулась, сделала несколько шагов из света на крыльце в сторону еле видных в темноте ворот (Максим опять забыл их закрыть, сколько можно говорить, толку никакого), и под ее ногами на дорожке ватно и уютно захрустел снег. Она остановилась и, не оборачиваясь, зло и громко прошипела:

– Если из-за вас кто-нибудь другой не дожидется меня и помрет, это будет на вашей совести.

Но Сониная совесть была занята совершенно другим.

Соня захлопнула дверь и медленно, по-старушечьи шаркая ногами и держась рукой за серую шероховатую стену – и ей казалось, что она не дойдет никогда, – прошла в спальню. Соня зажмурилась, и к горлу в очередной раз подкатила склизкая тошнота. Но даже с закрытыми глазами Соня видела то, что не забудет никогда, если, конечно, ей однажды не сотрут память. В центре спальни на кровати на гладкой голубой простыне, глядя в потолок, будто пытаясь рассмотреть там нечто очень удивившее его, лежал Сонин муж. Аб-

солютно голый и абсолютно мертвый.

Ключ от бабушкиной комнаты лежал в суповой кастрюле на кухонных антресолях. Соня ухватила кастрюлю за медные ручки и зачем-то потрясла ее, и ключ громко внутри зазвенел, ударяясь о стенки. Нужны были хоть какие-то звуки, потому что в этой мертвой тишине хотелось немедленно повеситься. На звон посуды немедленно прибежала кошка Стеша, боднула Соню в ногу белым лбом и поднялась на задних лапах в надежде, что гремит Соня чем-то вкусным и предназначенным Стеше.

Соня парой медленных движений успокоительно и нежно погладила кошку и в ее сопровождении отправилась туда, куда не заглядывала несколько лет.

Бабушкина комната находилась на южной стороне дома, вечно прогреваемая и припекаемая солнцем так, что приходилось вешать очень плотные шторы, чтобы поспать утром подольше. Пятилетняя Соня – не солнце, ее шторами не остановить, она спозаранку забегает к спящей бабушке и попадает из ярко освещенного коридорчика в теплый и надышанный полумрак. Соня пробирается к неширокой кровати, осторожно ныряет под одеяло, чтобы быстро и плавно вынырнуть рядом с бабушкиным сонным лицом, провести тоненьким пальчиком по усеянной глубокими рытвинами морщин и коричневыми пятнышками бабушкиной щеке с глу-

бокой ямкой: «У меня тоже такая!» И тут же взор ее падает на мертвого полуистлевшего паука за кроватьной спинкой, болтающегося на лохмотьях паутины.

– А у мамы тоже была такая ямка на щеке? – спрашивает Соня бабушку и дотрагивается до паука.

Очень жаль его, вот если бы он мог ожить...

– Конечно, – сонно бормочет бабушка.

Паук вдруг дергает лапой, потом еще одной и спустя мгновение резко и шустро срывается с места и убегает по стене вниз.

– Я скучаю по маме, – бормочет Соня и прижимается к бабушке, проваливаясь в тяжелый и недолгий сон.

– Я тоже, – шепчет бабушка и глубоко вздыхает, чтобы сдержать плач.

Соня вставила ключ в замочную скважину и замерла. Она не могла пошевелиться, и даже выдохнуть не могла, и казалось, время остановилось, а воздух стал плотным и еле прозрачным, словно янтарь. По шее сзади поползла противная как муха капля холодного пота... Рука Сони, держащая ключ, похолодела и онемела, а ключ, казалось, начал покрываться белесым инеем... Замереть... Замерзнуть...

По Сониной ноге скользнул длинный меховой Стешин хвост, пушистый и теплый. Соня отдернула руку и потерла ледяные щеки. И снова ключ. Поворот вправо, теперь еще один, с глухим щелчком. Открыто.

Пыль и паутина гусеничным коконом укутывали всё: кровать, покрытую тонким шерстяным покрывалом, прикроватный столик, похожий на черепаху, устремившиеся высоко-высоко в бесконечность книжные полки шкафа-великана. На подоконнике стоял цветочный горшок с окаменевшей и потрескавшейся землей, где когда-то росла пахучая розовощекая герань. Соня чихнула и утерла нос рукавом, на который уже намотались и осели клоки пыли, будто только этого и ждали – свою новую жертву. Макс давно говорил, что надо сделать здесь уборку, иначе заведется нечистая сила. Кто знает, может, и завелась.

Не заводились в этом доме только мужчины. «Бабье царство на весь бабий век», – как-то сказала бабушка, грустно усмехнувшись, про их дом, который, вероятно, впервые увидел двуспальную кровать, когда Макс здесь поселился. Это произошло ровно два года назад, за считанные дни до Нового года. Макс тогда просто взял Соню в охапку и повез в мебельный магазин. Соня смеялась и валялась на всех кроватях подряд, тащила Макса за рукав, и он тоже падал рядом. И на десятом тест-драйве сдался и зацеловал ее так, что им пришлось срочно-спешно ехать домой, превышая скорость и нарушая правила.

Соня подошла к высокому и необъятному книжному шкафу. Где-то здесь, среди брошюр, книжек и фотоальбомов, должна находиться рукописная книга с серебристой по зеле-

ному потертому бархату надписью на обложке «Наставления и правила на всякий случай жизни и смерти». В этой книге, которую периодически дописывали наследницы, таилась и укрывалась ото всех история и предназначение Сониной семьи. Вернее, как оказалось, не совсем Сониной.

– Соня, у тебя нет дара, в который раз тебе говорю, – прошептала бабушка, тяжело с хрипом закашлялась, устало прикрыла глаза и откинулась на помятую и слегка влажную подушку.

Да, бабушка не однажды говорила все это Соне, начиная с седьмого ее дня рождения, когда Соня вдруг потребовала «научить ее».

– Невозможно научить быть ведьмой, надо ею родиться, – говорила бабушка, а Соня, выходит, не родилась. То есть родилась, но без дара, переходящего в их роду из поколения в поколение.

Соня вздохнула и с нежностью погладила сухую и тонкую бабушкину ладонь, пахнущую детским мылом, полынью и розовой солью.

– Бабуль, – неуверенно пробормотала Соня, – а может, все-таки ты ошибаешься? Ну, по поводу дара. Если он передается по наследству, то почему вдруг его у меня нет?

Бабушка сморщилась, скукожилась, поднесла крепко сжатый в кулаке платок ко рту и сквозь него – так убийцы используют подушку как глушитель – сипло сообщила:

– Это не ошибка. Просто... мама тебя удочерила, милая... А вскоре заболела и умерла. Но ты не перестала быть моей любимой внучкой...

В ту ночь, около пяти лет тому назад, бабушки не стало.

...Соня достала еще несколько книг, осмотрела их и уже не так аккуратно, как предыдущие, положила на стол. Сколько времени прошло? Два часа? Три? Соня оперлась лбом о шкаф, оттерла воротом туники горящее, соленое и мокрое от пота лицо и зарычала от бессилия, топая ногой и сжимая кулаки. Ничего не получается, она не найдет книгу.

– Пожалуйста, – просипела Соня и незло несколько раз ударила шкаф ладонями. – Ну, пожалуйста, ну что вам стоит, – неизвестно к кому обратилась она.

Комната вдруг пошатнулась, и Соня ухватила рукой за стенку шкафа и оглянулась через плечо. Пол поплыл волной, приподнимая паркетные дощечки и образуя столбы пыли и грязи. Стены заходили ходуном и заскрипели. Землетрясение? В Чернотопске?

Впрочем, додумать Соня не успела, потому что шкаф под ее руками словно задышал и тихонько завибрировал, и с одной из его верхних полок рухнула, чуть не ударив Соню по голове, небольшая книга в потрепанной зеленой обложке. И снова наступила тишина.

Соня присела и осторожно, сдерживая сбивающееся дыхание, подняла «Наставления».

– Спасибо, – прошептала Соня и погладила шкаф.

Она открыла книгу, изучила несколько страниц, зажала кончик носа указательными пальцами и прикрыла глаза. Обычно это помогало ей сосредоточиться и подумать. Но какой сейчас смысл думать и размышлять, когда уходит время, а Максим сейчас там совсем один... А ведь вчерашний вечер так хорошо начинался...

В центре кофейни стояла пахучая, немного кособокая, но очень нарядная елка, лохматая и слишком большая для такого крошечного помещения. Она будто призывала каждого обратить внимание на ее лапы, украшенные гирляндами и сияющими новенькими шарами, – так девушка хвастается наманикюренными ноготками. До Нового года совсем немного времени...

Максим заказал огромный кувшин красного домашнего вина и по внушительной порции пасты с помидорами и базиликом, и они кутили.

Он гладил Сонины волосы, торчащие в разные стороны смешными черными мелкими кудряшками (раньше как-то еще боролась с ними, разглаживала, потом забила) и старался двигаться медленно и плавно, боясь спугнуть этот момент словно дикого зверька.

Но момент все равно спугнули и разрушили к чертям собачьим.

– Здравствуйте, – низким грудным голосом произнесла

худошавая брюнетка с гладкими волосами, невесть когда и как оказавшаяся у их столика, и обратилась к Соне: – Можно задать вам вопрос?

– Ну, наверное, можно, – кивнула Соня и недоуменно пожала плечами, а Макс под столом вопросительно сжал ладонью Сонину коленку. Соня опустила руку под стол и постукиванием пальцев по ноге Макса ответила ему «понятия не имею». Их тайный язык, который появился сам собой, будто они так общались всегда.

– Вы же ведете приемы? – спросила брюнетка, даже не представившись.

– Как финансист? – Соня приподняла правую бровь.

– Не-е-е-ет, – задумчиво протянула женщина и быстро добавила: – По решению крайне жизненных вопросов.

– Простите, – Соня развела руками, – я не понимаю, о чем вы.

– А это, значит, ваш муж, – пробормотала незнакомка, оглядывая Макса словно экспонат в музее, и, близоруко прищурившись, склонилась к нему, звонко стукнув его бокал громоздким золотым кулоном в виде полумесяца на длинной цепочке.

– Что вы имеете в виду? – спросила Соня.

– Ничего, – женщина вдруг будто очнулась и слегка тряхнула головой, – простите, я обозналась.

И незнакомка быстро удалилась от их стола, по пути извлекая из сумки длинную тонкую сигарету, больше похожую

на вязальную спицу.

– Что это вообще такое было? – удивленно пробубнил Макс.

– Понятия не имею, ерунда какая-то, – теперь уже голосом, а не пальцами ответила ему Соня.

Она внезапно очень устала, на нее накатила вязкая муть, а мышцы и суставы заломило как перед лихорадкой. Она уснула в машине по пути домой. Тогда Макс уже у дома несколько часов караулил ее сон, грел машину и то и дело поправлял шарф на Соне, боясь, что она действительно разболеется. Трогал Сонин лоб ладонью и всякий раз облегченно вздыхал: слава богу, холодный. А потом все-таки взял ее на руки и аккуратно, словно драгоценность, отнес в дом и уложил в кровать, по пути целуя ее то в нос, то в макушку, пахнущую цветочным шампунем и горькой полынью.

Соня в итоге не заболела, а вот Макс...

Макс оказался очень тяжелым, намного тяжелее, чем полагала Соня. А на что еще она рассчитывала при своей худобе и не самом высоком росте. Соня надела на Макса толстый вязанный кардиган, теплые штаны с мотнёй (такие дурацкие, но ему нравятся) и хотела спустить с кровати на ковер, но не понимала, какой стороной лучше: головой или ногами. Соня очень боялась, что Макс ударится и ему будет больно.

Все-таки стащила его, обхватив руками под мышки. Ушибить ноги не так страшно, как голову.

Разместила на ковре, укрыла теплым одеялом, подоткнув его по бокам. Надо бы, наверное, шапку надеть? Или необязательно?

Соня опустилась на колени и уткнулась лицом в волосы Макса: они пахли одновременно и сладостью, и солью. Они все еще пахли их недавним сексом.

Соня не позволяла к себе прикоснуться, пока не окажется совсем голой. Дразнила, трогала, облизывала и целовала, постепенно раздеваясь, а Макс изнемогал.

– Ты доведешь меня до инфаркта, честное слово, – хрипел он, но послушно терпел.

Его даже связывать не приходилось, просто приказать, дразнить, изводить до безумия и наблюдать, как глаза Макса становятся фантастически ярко-синими от предельного возбуждения.

И тогда Соня сдавалась и разрешала ему провести языком внизу ее живота и схватить ее и стиснуть, и задышать жарко-жарко ей в шею, и теперь ему разрешалось владеть Соней и делать всё, что захочет.

Макс был сверху и двигался быстро, торопясь и задыхаясь, а Соню накрыл такой мощный оргазм, что на несколько мгновений она перестала что-либо слышать и соображать, а когда пришла в себя, поняла, что Макс слишком сильно придавил ее и от этого ей трудно дышать.

– Ма-а-акс, – позвала Соня и потрогала мужа за плечо, –

Ма-а-акс.

Но тот не двигался.

Соня хохотнула:

– Я поняла про инфаркт, милый, я поняла. В следующий раз буду нежнее, обещаю. Давай поднимайся.

Но Макс даже не пошевелился.

Соня уже поняла, что что-то не так, но все еще надеялась на затянувшуюся шутку. Она с трудом перекатила Макса на бок, а затем на спину.

Максим не дышал, а его распахнутые и замершие синие глаза удивленно смотрели в потолок.

...Макс больше никогда не захочет ее. Не будет смотреть, как Соня раздевается, и ждать, когда она насладится игрой.

Если Соня его воскресит, Макс не останется с ней. Возможно, даже испугается и видеть ее не захочет. То, что с ней произойдет после инициации, изменит ее навсегда... В «Наставлениях» об этом очень четко написано...

А если инициацию она не пройдет, что вероятней всего, то... Катастрофа. Конец всему. Совсем конец.

В груди засаднило, а в районе солнечного сплетения будто образовался тупой ржавый нож. Соня закрыла лицо руками и заплакала горько, взхлеб, с подвыванием. Она обняла себя за плечи и раскачивалась из стороны в сторону. Жалела Макса. Жалела себя. А кто еще пожалеет?

Тихо на мягких лапах к ней подошла Стеша, поднялась и

лизнула шершавым языком в соленую щеку.

Соня наклонилась, сгребла Стешу в охапку, уткнулась в ее голову мокрым лицом и засипела, всхлипывая:

– Я помню, что мне говорила бабушка. Но я должна попытаться. Это единственный шанс для Макса. А ты стереги дом, ладно?

И Стеша согласно кивнула белой и влажной от Сониных слез головой, и Соне стало чуть легче.

– Прощайте, – тихо прошептала Соня кошке и своему дому.

Соня схватила ковер, на котором лежал Макс, и поволокла, пятясь к входной двери. Вытащила, тяжело и прерывисто дыша, на улицу, подтащила к машине, стоящей у распахнутых ею ворот, и открыла заднюю дверь. Зачем они купили такой высокий джип? Зар-р-раза.

Соня разместила Макса головой к открытой двери, обошла машину и залезла на заднее сиденье так, чтобы втащить мужа, ухватив под мышки. Она напряглась и потянула на себя, но лишь слегка приподняла тело мужа, сломав при этом пару ногтей. Отпустила, подышала. «Ты сможешь! Сколько раз он таскал тебя на руках словно игрушку. Настала твоя очередь».

Соня снова подхватила Макса, уперлась изо всей силы коленями в сиденье, потянула и глухо зарычала, как собака.

В этот момент тело Максима стало словно бы в несколько

раз легче, его ноги поднялись в воздух, и Соня рывком втащила Макса в машину, а вместе с ним в салон залетел еле уловимый запах табачного дыма. Соня удивленно посмотрела в распахнутую перед ней дверь и сквозь начавшийся густой снегопад увидела быстро удаляющуюся фигуру в плаще с капюшоном.

Соня остановилась на неширокой и практически нечищенной дороге. Здесь, как показывал навигатор, ей следовало свернуть в лес. Соня вышла из машины и прошла чуть вперед, чтобы найти хоть какой-то проезд. Снегопад к тому времени перешел в метель, и свет фар с трудом пробивал ее. Неожиданно, метров через тридцать, уже почти в темноте Соня рассмотрела узкую дорожку, не расчищенную даже, а как будто примятую сверху.

По ней-то Соня и поехала вглубь леса. Машина то и дело застревала, но Соня давала по газам, и машина с ревом вырывалась из цепких снежных лап.

– Вы прибыли на место, – сообщил навигатор, и сквозь хлопья снега Соня увидела заваленный огромными глыбами льда и упавшими деревьями вход в Соляную Пещеру в невысокой островерхой горе с абсолютно лысыми склонами.

– Твою ж мать, – глухо прошептала Соня. – Но я все равно попробую, – тихо сказала Соня Максу.

Пару деревьев Соня оттащила довольно легко, да и

несколько кусков льда отпинала в сторону. Оставалась ледяная глыба у самого входа, которая, казалось, нарастала и замерзала тут веками. Соня приналегла на нее всем телом и попыталась сдвинуть хоть чуть-чуть, но льдина осталась неподвижной и безмолвной. Соня обошла ее, попрыгала на месте, боксируя, чтобы разогнать кровь и накопить ярость, и с рычащим криком с разбегу кинулась на льдину — но напрасно. Зло и обессиленно Соня ударила громадину плечом, и та вдруг неожиданно легко подалась, словно по волшебству, и не просто подвинулась, а покатила и, ударившись о дерево, стоящее неподалеку, хрустнула как леденец на зубах.

Соня ахнула и снова уловила в воздухе знакомый аромат табачного дыма. Она оглянулась и успела увидеть быстрое движение и мелькнувшую между деревьями тень в плаще.

– Кто здесь? – крикнула Соня, и голос ее отозвался эхом: «Здесь... здесь... здесь...»

Соня стояла у машины и смотрела на вход в Соляную Пещеру, крепко сжимая кулаки и пытаясь усмирить колотящееся сердце и громко стучащую боль в висках. Бах-бах-бах, а если ты не ведьма, тебе ведь сказали, что ты приемный ребенок. Бух-бух-бух, тогда ты заживо сгоришь при входе в Пещеру, она не пускает тех, с кем не связана родовым заклятием словно пуповиной. Бах-бах... Может, лучше даже не пытаться...

– Пф-ф-ф-ф, – шумно выдохнула Соня и поцеловала Мак-

са в ледяные сухие губы. Любимые. И такие сейчас молчаливые.

– Я правда постараюсь, – шепнула Соня Макс, – ты только потерпи.

Соня достала из кармана куртки смартфон и написала короткое сообщение подруге Нюре: «Мы с Максом уезжаем на несколько дней, а может, и дольше. Присмотри за Стешей и цветами, пожалуйста. Обнимаю». В глазах защипало, Соня сморщилась, но не дала себе заплакать, дважды хлопнув себя по щеке и еще раз выдохнув: «Пф-ф-ф-ф».

Затем она захлопнула дверь машины, повернулась лицом к Пещере, сделала пару шагов назад для разгона и наконец побежала так быстро, как только могла, в чернеющий беззубый рот Пещеры. Спустя несколько секунд крошечная беззвучная тьма накрыла Соню плотным колпаком, разорвав ее мир и ее саму на тысячи мельчайших частиц...

...Двигаться сквозь плотное марево оказалось трудно, будто в густом киселе. Соня потеряла глаза, а затем ущипнула себя, но ничего не почувствовала. Значит, все-таки умерла... Жаль. Не себя, а Макса. Очень жаль. Прости меня, если сможешь...

Марево перед Соней постепенно рассеялось, и перед ней открылось безграничное пространство, наполненное белым светом и абсолютно глухой тишиной. От этой мертвой тишины у Сони заложило уши, и обруч боли крепкой хваткой

сжал голову.

Соня сделала пару шагов, и напротив вдруг образовалось довольно высокое зеркало в белой раме, в котором ничего не отражалось.

Соня подошла к нему чуть ближе, по зеркалу пробежала рябь, и оно показало Соню.

В зеркале стояла сгорбленная, перекошенная старуха с рытвинами на впалых щеках, бесцветными глазами, косматыми седыми волосами и искривленным черным ртом, открытым в немом жутком крике.

Соня зажала рот рукой и попятилась.

Старуха в зеркале тоже прикрыла рот и вытаращила белёные глаза, наполнившиеся ужасом и болью.

И в этой звенящей тишине даже не откуда-то сверху, а прямо в Сониной голове гулко и строго прозвучал мужской голос:

– Ты готова принять то, что ты видишь, наследница Соляной пещеры и ведьмино дитя?

Соня зажмурила глаза, согнулась пополам и беззвучно закричала.

Да уж, Макс никогда не примет ее такой. Но... зато он будет жить. А тогда и она как-нибудь проживет. Хотя без него – какой смысл?

Соня выпрямилась и глубоко вздохнула.

– Да, я готова, – одними губами, словно в себя, а не наружу, сказала Соня и кивнула.

И свет померк, и тьма накрыла Соню непроглядным глухим колпаком.

Соня открыла глаза, но ничего не увидела в абсолютной черни. Соня отметила мимоходом, что голова больше не болит, проклятый обруч разжал свои тиски и стало спокойнее и легче. Соня достала из кармана куртки смартфон и включила фонарик. Круг света охватил каменные стены, а затем скользнул по алтарю, на котором находилась пара карманных часов с потрепанными кожаными ремешками.

Соня навела свет фонарика на свою руку, и она показалась ей чужой: вся в рытвинах и морщинах, с дряблой кожей, паутиной синих вен и длинными и кривыми желтыми ногтями. Дотронулась до лица и отдернула ладонь, настолько мерзкой, сухой, безжизненной и сморщенной, как вяленое яблоко, оказалась на ощупь ее кожа. Соня нагнулась вниз, в темноту, и ее вытошнило кислыми остатками вчерашнего ужина и желчью. Она поднялась, утерла рукавом куртки слезы с губ и криво улыбнулась. Получилось...

Она прошла инициацию. Теперь она – настоящая Ведьма. Женщина, по роду связанная с Соляной Пещерой неразрывной живой пуповиной. Мастер по воскрешению людей.

После всего, что ранее Соне пришлось сделать и пройти, доволочь мужа до Пещеры и затащить внутрь оказалось довольно легким и обычным делом. Соня открыла сумку, со-

бранную перед отъездом к Пещере в бабушкиной комнате, достала двенадцать золотистых свечей и зажгла их, расставив на алтаре – большом гладком камне у дальней стены Пещеры. И пространство вокруг сразу стало теплым, светлым, легким, воздух наполнился свечением и завибрировал.

Соня осторожно взяла с алтаря наручные часы без стекла и цифр, на широком, потрепанном по краям кожаном ремешке коричневого цвета. Именно они, как сообщают «Наставления», определяют, достоин ли умерший человек воскрешения или нет. Если стрелки начнут двигаться – покойника можно оживлять, а вот если останутся замершими – значит, на запрос о воскрешении получен отказ.

Соня, зачем-то мелко перекрестившись, надела часы на руку Максима, застегнула ремешок дрожащими пальцами и запрокинула голову, глядя в щербатый и темный каменный потолок. Медленно и бездумно считала она до десяти, а для верности – досчитала до двенадцати.

Внутренне замерев, Соня опустила голову, но перед глазами поплыло, и она не могла сфокусироваться на циферблате, и тогда она прислушалась... Тик-так... Тик-так... Спасительные звуки. Запрос на воскрешение одобрен.

Соня расставила вокруг Макса двенадцать золотистых свечей. Снова нырнула в сумку и достала кусок угля и ме-

шочек с солью. Нарисовала углем трикветр ⁴ и уроборос ⁵ на стене Пещеры. Насыпала по щепотке соли на лоб и ладони Макса. Открыла «Наставления» на нужной странице и положила книгу на алтарь, встала возле на колени и оказалась спиной к мужу. Набрала в легкие побольше воздуха... Все будет хорошо... Для Макса точно, а вот для нее, точнее, для них... Когда он увидит ее после... Это будет ужасно, он наверняка испугается... Но лучше не думать об этом.

Силы высшие, духи верные,
Вас молю о милости,
Вас молю о малости,
О щепотке жизни,
Как о щепотке соли.
Да изыдит смерть,
Да вернется жизнь,
Да вдохнется жизнь.
Как я сказала, так и будет,
Так и будет вечно слово мое.

Сонин шепот постепенно перешел в нечеловеческий крик, от которого у нее самой заложило уши, и она, обессиленная и оглушенная, просидела пару минут, прежде чем

---

⁴ Религиозный и мистический символ в виде трилистника, обозначающий триединство (*примеч. авт.*).

⁵ Свернувшийся в кольцо змей или дракон, кусающий себя за хвост. Является одним из древнейших символов, известных человечеству, в том числе часто используемый в эзотерике и магии (*примеч. авт.*).

услышала позади себя дыхание. Слава всем богам! Неужели получилось?

– Соня, – хрипло и тяжело проговорил Макс, но Соня не обернулась, а крепко закрыла лицо ладонями, сиюсь не заплакать, не завопить, не напугать.

– Соня, милая, – Макс подполз к ней, тихонько тронул ее за плечо, – где мы?

Соня молчала.

Макс вопросительно постучал пальцами по загривку Сони, но она не шелохнулась и не ответила.

– Что случилось, Соня? – просипел Макс и резко за плечо развернул Соню.

– Я тебе все расскажу, Макс, ты только не волнуйся, – глухо проговорила Соня дрожащим голосом.

– Я ничего не помню, милая, как мы здесь оказались? Что с тобой? Пожалуйста, посмотри на меня. – Макс пододвинулся к Соне поближе и поцеловал, а затем легко потянул на себя кисть ее правой руки.

Макс что, не видит, во что превратились ее руки? Он, наверное, в шоке. Но еще одного шока не избежать.

И Соня, зажмурившись, резко оторвала ладони от лица. Пара секунд тишины заставили Соню открыть глаза, чтобы увидеть изумленное лицо Макса. Он почему-то не кричал от ужаса, а с тревогой и нежностью всматривался в нее.

– Ты мне что-нибудь объяснишь, Сонь?

– Да, обязательно, но позже, – пробормотала Соня.

Она ничего не поняла. Наверное, Максим еще не пришел в себя, наверное, это все побочный эффект воскрешения. Надо подождать, и он всё увидит и всё поймет.

Но Макс не видел. Он не видел, пока они выбирались из пещеры, пока шли к машине, обнимаясь и слегка пошатываясь. Не видел и пока они ехали домой. И это было странно, потому что она смотрела в зеркало заднего вида и могла поклясться даже на книге «Наставлений», что видела свои седые взлохмаченные волосы и белесые глаза, окруженные рытвинами морщин. Макс не видел. Он умолял пустить его за руль, но она выдержала напор и все-таки повела машину сама. На все вопросы говорила только «потом-потом», вот доедут они до дома, а уж там, в родных стенах, когда за ними захлопнется входная дверь.

Вот только до входной двери они так и не дошли.

Соня копалась в багажнике машины, припаркованной у ворот, и пыталась найти там свою сумку, а Макс почти дошагал до крыльца, как вдруг остановился как вкопанный, словно напоролся на невидимую стену, и медленно обернулся. И Соня тоже посмотрела на него. В этот момент пространство между ними начало вибрировать, воздух будто бы уплотнился и пошел волной, засеребрился, и резко запахло сигаретным дымом.

Серебряные и дымчатые частицы собирались кучней и

плотней, и спустя несколько секунд перед Соней и Максимом материализовался человек в длинной серой куртке с капюшоном.

– Мать твою, – прохрипел Макс.

– Какой знакомый образ, – прошептала Соня.

Человек покачнулся и откинул капюшон.

– Здравствуйте, – улыбнулась им худошавая брюнетка с гладкими волосами, убранными в высокий пучок, и пыхнула длинной сигаретой. Та девушка из кофейни... И запах табачного дыма такой знакомый. Тогда – рядом с машиной, а потом возле пещеры...

– Здраврааасте, – протянул Макс, – а мы же вчера... Виделись... Встречались с вами... Да? Или я что-то путаю?

Брюнетка расхохоталась:

– Да-да, все верно, это была я. Кстати, представляюсь: меня зовут Ирма. А знаете, зачем мы встречались?

Макс помотал головой.

– А ты догадываешься, для чего? – Ирма посмотрела на Соню и хитро ей подмигнула.

– Для чего? – спросила Соня. Ей внезапно надоели все эти загадки, все эти вопросы без ответов, и жутко захотелось бокал красного вина, а лучше – целый кувшин.

– Мне нужно было, чтобы ты прошла инициацию.

– Понятно, – равнодушно кивнула Соня и молча, обойдя брюнетку, подошла к крыльцу.

– Пойдем домой, нас там Стеша ждет. – Соня взяла Макса

за руку, потянула за собой, достала из кармана ключ и вставила его в замочную скважину.

– Я отравила его! – крикнула Ирма в спину Соне и зло пыхнула сигаретой.

Соня медленно обернулась и не мигая уставилась на брюнетку.

– А на хрена? – ледяным голосом спросила Соня.

– А как бы еще ты прошла инициацию? Мне еще твоя мать обещала сотрудничество, но вот только взяла – и повесилась. Обещанного, конечно, три года ждут, а я ждала гораздо дольше. Так что теперь тебе отвечать за мои договоренности с твоей матерью.

– Повесилась, – прохрипела Соня, глядя в пустоту, и повторила: – Повесилась...

– Да, повесилась. Так она сильно полюбила твоего отца, с которым провела одну лишь ночь, после которой родилась ты. А потом она прошла инициацию и превратилась в ужасную старуху... Ну, ты и сама всё знаешь... Но она все равно в какой-то момент захотела заговорить с ним на улице, а он не узнал ее, отшатнулся как черт от ладана. Вот она и не выдержала, не смогла смириться, – пояснила Ирма и пыхнула сигаретой, – а бабушка твоя, видимо, решила уберечь тебя от судьбы дочери. Но от судьбы не уйдешь, ты же понимаешь, судьба найдет ходы и выходы. И руки. – Ирма самодовольно улыбнулась и потерла ладони.

– И ты пришла ко мне? И ты влезла в мою жизнь? И убила

моего мужа? – просипела Соня, и глаза ее стали мутно-зелеными, словно наполнились болотной жижей.

А вокруг Ирмы вдруг из-под земли появились и начали быстро подниматься вверх и опутывать Ирму черные скользкие змеи. Кишащий шипящий клубок. Ирма попыталась сопротивляться, но змеи лишь плотнее зажимали ее. Соня дернула правой рукой вверх и в сторону – почва под Ирмой стала вязкой и жидкой, и Ирма резко в нее погрузилась.

– Прекрати, пожалуйста! – закричала Ирма. – Я не хотела тебе навредить!

Но тут же одна из змей черным пульсирующим кольцом сомкнулась на губах Ирмы, и она уже ничего не могла сказать.

Ирма ушла в жижу почти до подбородка, когда Макс подскочил к Соне:

– Соня, прекрати! Ты убьешь ее.

И это встряхнуло Соню. Никто сегодня не умрет. Не для этого она все это проходила. Соня провела руками, и змеи исчезли, а Ирма оказалась сидящей в грязной ледяной луже.

Соня устало прикрыла сухие глаза.

– Живи, – прошептала она, – только вот теперь и я – жуткая старуха. Баба-яга... Макс, почему ты молчишь про это? Макс недоуменно посмотрел на Соню.

– С тобой все в порядке, – прохрипела Ирма, сплевывая темную слизь.

Соня посмотрела на свои руки, потрогала лицо. Никаких

рытвин и морщин. Гладкая мягкая кожа.

– Макс, – жалобно простонала Соня, – как я выгляжу, скажи честно.

– Ты пре-крас-на, – четко проговорил Максим, обнял Соню и поцеловал в нос.

– Но я же сама видела...

– Наверное, это просто морок был, – пожала плечами Ирина и закурила новую сигарету, – впрочем, сама разберешься. Неглупая небось.

– Дамы, давайте разбираться дома. Холодно. – Макс кивнул в сторону двери и сделал рукой пригласительный жест. – Да и кошка у нас не кормлена...

1724 год

Обряд посвящения, состоявшийся накануне, прошел прекрасно. Да и воскресший – батюшка Чернотопского Равноапостольного храма – чудеснейший человек, надо, чтобы именно он крестил будущих деток.

Авдотья, вытащив кончик языка, записывала в «Наставления» свое открытие медленно и аккуратно, тихонько проговаривая, чтобы не сбиться: «Старушечье страшное заклятие – расплата за пользование даром».

Авдотья нежно прикоснулась к розовым щекам маленькими нежными руками и продолжила писать, медленно выводя каждую букву:

«Но важно ведать, что л...»

В этот самый момент громогласно и трубно прогремел откуда-то ее муж:

– Жена, беги сюда, у нас корова рожает!

Она всплеснула руками, бросила перо, и от него по белоснежной скатерти разошлась синяя, похожая на сказочную птицу, клякса.

– Любовь любимого мужчины спасет... Любовь спасет, – быстро прошептала Авдотья, чтобы не забыть, и захлопнула «Наставления», чтобы за чередой воскрешений, рождений, смертей и прочей жизни так и не вернуться к недописанному.

Глава 6

Марго знобило, и кофе не помогал. Стоило вообразить себе Соню над мертвым телом мужа, и дрожь была ледяной волной в спину.

– Зачем вам их истории? – спросил Виктор, когда дверь за посетительницей захлопнулась. – Не из любопытства же.

– Не из любопытства, – признала Марго. – Хочу кое-что понять.

– И что же?

Марго помолчала, не собираясь отвечать, и сменила тему:

– Они тебя смущают?

– Сюда всякие приходят, – хмыкнул бармен. – И хоть бы кто нормальный.

Марго посмотрела на него с любопытством. Нет, он сам не знает, что за заведение держит. Для него день начинается и заканчивается с первым и последним посетителем. А дальше – пустота беспамятства.

Дверь распахнулась без предупреждения. Вошедшая держала в руках мотоциклетный шлем, а между отворотами куртки на футболке угадывалось витиеватое название рок-группы.

– Виталина, – представилась она, не дожидаясь вопроса. – Что вам нужно? У меня мало времени и много дел.

Марго покосилась на Виктора – он заметно приосанился.

Красота посетительницы прельстила бы кого угодно, не говоря уж о пленнике, коротавшем вечность среди полупустых склянок. Но гостя, как холодный огонь, лишь обещала тепло, не согревая.

– Что будете из напитков? – спросил Виктор, широким жестом указав на пыльные бутылки за спиной.

– Я же сказала, мне некогда, – раздраженно отозвалась Виталина. – Давайте к делу. Клиенты ждут.

Она пахла искусственной кожей, разогретым металлом и – едва ощутимо – формалином.

– Кажется, – предположила Марго, – вашим клиентам уже некуда спешить.

Виталина одарила ее пронизывающим колким взглядом и скосила рот в ухмылке.

– У вас чутье цербера, – похвалила она в своей манере. – А что за дрянь здесь крутят вместо музыки?

Патефон мгновенно умолк. Раздалось шипение: это кот, свернувшийся на кресле, ощерился, почуяв гостью. Ему вторил шероховатый скрип соскочившей с пластинки иглы. Марго встала, чтобы вернуть ее на место, но патефон отринул помощь и запустил пластинку заново, вот только зазвучала она иначе – грубее, напористей и ниже.

– Кто вы такая? – мгновенно вскинулась Виталина.

– Я собираю истории. – Марго не дрогнула и жестом указала на освободившееся кресло.

– Про тайну следствия слышали? – Виталина презритель-

но фыркнула. – Ничего я вам не расскажу. Сами копайте, раз нях позволяет.

– История, которую я хочу услышать, не о вашем клиенте, – возразила Марго. – Она о вас.

Виталину передернуло. Все тем же несбиваемым шагом она промаршировала к креслу и уселась в него, нога на ногу. Виктор, ловивший каждый её шаг и движение шлема в руках, спешно отвернулся – теперь гостья смотрела прямо на него.

– Я бы на вашем месте со мной не связывалась. – Виталина покачала головой, силясь стряхнуть наваждение. – Дорого обходится.

– Насколько дорого? – взялась за блокнот Марго.

– Хотите знать? Ну слушайте.

Наталья Глазунова

Язык ведьмы

Специальное отделение судебно-медицинской экспертизы города Чернотопска

Зал для исследований

Понедельник, 20 сентября, 12:05

Следователь Павел Горелов склонился над трупом. Вернее, на секционном столе лежала высохшая мумия. Кожа бледно-желтоватого цвета обтянула кости. Она казалась хрупкой, как древний пергамент. Руки и ноги скрючились. Лицо было искажено, а рот открыт, словно человек кричал в тот момент, когда внезапно высох.

«Мужчина. Среднего роста. Все ткани иссушены. Технология иссушения не определена», – крутилась в голове Горелова выдержка из заключения патологоанатома.

Следователь вспомнил прижизненные фотографии «иссохшего» и ту малость информации, которую успел раздобыть за пару часов.

«Федор Лужин. Сорок пять лет. Менеджер отдела продаж в автосалоне „Номер 1“. Не женат. Проживал по адресу: Первая Свечная, дом пятнадцать. Один. Еще вчера он попивал пиво в гриль-баре на главной площади, кутил до ночи с дру-

зьями, а потом снял номер там же, в гостинице над баром. Где его и обнаружили спустя всего шесть часов. Высохшим».

Горелов шумно выдохнул и отправился ко второму столу. На нем лежала женщина. Сорок два года. По документам – Лилия Филимонова. Не замужем. Проживала на Пригородной, дом десять. Одна. Мастер маникюра. Работала на дому.

С виду никаких повреждений на этом трупe не было. Кровь с подбородка, шеи и груди отмыли. Лишь несколько засохших капель осталось в уголках рта.

«Она так кричала, – рыдая, рассказывала Горелову официантка на месте событий три дня назад. – Я не сразу поняла, что она делает. Казалось, просто тщательно пережевывает большой кусок. Так у нее и был стейк! Потом вижу, кровь изо рта потекла, лицо покраснело и она начала задыхаться».

«Смерть от асфиксии, – через несколько часов сообщил Горелову патологоанатом. – Женщина откусила себе язык, попыталась его проглотить и задохнулась».

За пятнадцать лет своей службы следователь Павел Горелов видел много странного. Шесть последних работал с особенными делами. Большую часть распутал. Коллеги в шутку предполагали, что он не иначе как научился колдовать. Павел в ответ лишь улыбался и отмалчивался. Да и что сказать? В раскрытии некоторых дел порой и правда было замешано колдовство. Ему помогала ведьма.

Горелов снова посмотрел на «иссохшего», а потом вернулся к «любительнице языков». Две странные смерти за три

дня. Здесь точно была нужна Виталина. Именно поэтому он позвонил ей два часа назад.

– Привет.

Знакомый голос вырвал Горелова из петли мыслей. Он обернулся. В дверях стояла Виталина Арканова. Кожаные брюки и куртка, черная футболка, высокие сапоги. Темные волосы коротко стрижены и взъерошены на затылке – всё как обычно.

– Клиенты точно мои?

Горелов кивнул и жестом пригласил ее подойти.

Вита сгрузила на свободный стол мотоциклетный шлем, ключ зажигания и огромный рюкзак, в котором возила свой «ведьмин набор».

– Новый байк? – заметил Горелов. – Ключ был другой.

– Yamaha YZF-R6, черный, четыре цилиндра, сто двадцать лошадиных сил, разгоняется от нуля до ста за три секунды. Предел – двести шестьдесят. Купила на прошлой неделе.

Она выдавала информацию механически, без эмоций и лишних слов, попутно доставая из рюкзака все, что ей могло пригодиться для осмотра трупов. Да и вообще, ведьма была неразговорчива. Никогда не объясняла, что будет делать, и не предвосхищала событий. Работала быстро, четко и всегда результативно.

– Из тебя получился бы отличный следак, – как-то в самом начале их партнерства сказал ей Павел. – Может, тебе к нам?

– Я только консультант... по особым делам... на четверть ставки. Основная работа у меня есть, – сухо ответила тогда Виталина.

То, что Вита консультирует оперативный отдел, удивляло многих. Горелов, тот вообще, был уверен, что с ее внешне-стью запросто можно сделать карьеру в модельном бизнесе или на телевидении.

Но Виталина занималась психотерапией онлайн. Созвани-валась с клиентами по телефону или скайпу. Причем веб-ка-мера всегда была отключена. Никого из своих клиентов ведь-ма не знала в лицо. Как, впрочем, и они ее. Виталина жила и работала, избегая прямых личных контактов с людьми. Ис-ключением были всего несколько человек. В том числе сле-дователь Павел Горелов.

«Арканова заявила, что будет работать только с тобой, – сообщил ему начальник убойного отдела уголовного розыска полковник Санин. – Не знаю, что там и как, но закрыть три дела за три недели – это, знаете ли, показатель. Платим мы ей негусто, так что я не против работать на ее условиях. Держи распоряжение».

Сначала молодой следователь отнес это ее решение на свой счет. А что? Светловолосый, высокий, хорошо сложен-ный, с чувством юмора – Павел Горелов всегда выделялся среди коллег и друзей. При всем этом тогда, в свои тридцать два, он уже был одним из самых успешных следователей в отделе. Поэтому и предположил, что красавица ведьма заин-

тересовалась лично им.

Оказалось, ошибся. Все его попытки сблизиться не имели успеха. Спустя шесть лет, их отношения все еще оставались деловыми. Горелов так и не понял, почему он.

– Что с ними произошло? – спросила Вита. – Только коротко.

Она на ходу натянула перчатки и стала осматривать трупы, пока Горелов делился с ней информацией.

Завершив осмотр, Вита сняла перчатки и достала из кармана знакомый следователю пузырек с серым порошком. Откупорила его, высыпала немного на грудь «иссохшему», подняла руки.

– *Дантэлле э вдэкиас*, – прошептала она.

От заклинания порошок ожил, превратился в тонкие песчаные струйки. Ведьма принялась двигать кистями и пальцами так, будто хотела сплести узор. Струйки поднялись над телом «иссохшего» и превратились в витиеватый рисунок.

«Это называется – „кружева смерти“, – шесть лет назад поведала Горелову Виталина, стоя над трупом на этом самом месте. – Наше семейное заклинание. Эти узоры показывают, как умер человек и была ли его смерть насильственной. На „кружевах“ всегда остаются следы убийцы. Я вижу, какой он. Был один или нет. По особому плетению могу узнать, применялась ли магия, ведь она оставляет метки».

Вита остановила плетение, осмотрела «кружева» покойного и отправилась к женщине. С ней она проделала то же

самое.

– Убийца один, – закончив, сообщила ведьма.

Горелов вытаращил глаза.

– Серия? Но трупы совершенно разные!

– Один. – Она не повысила голос ни на тон.

У Виты завибрировал телефон. Экран высветил: «Андрей. Помощник».

– У тебя появился помощник? – откровенно удивился Горелов.

– Кому-то нужно выгуливать пса и отвечать клиентам, пока я в морге, – ответила Вита. – Ты вызываешь меня все чаще.

Она свайпнула по экрану, перекинулась парой фраз и повесила трубку.

– Буду заканчивать. Нужно домой. После обеда трудный клиент.

Вита достала кейс с медицинскими инструментами и две склянки с красной и синей пробками.

– Снова за свое. – Горелов почувствовал, как у него заболели уши и скрутило живот.

– Мне нужны их барабанные перепонки. Знаешь другой способ их достать?

Вита надела биноккулярную лупу, включила налобный фонарик и приступила к делу.

Первым был «иссохший». Вита вставила ему в ухо зонд для биопсии и плавно продвинула вперед. Послышался ти-

хий, но плотный треск, словно порвалась калька. Затем ведьма осторожно вынула зонд и просунула в ухо пинцет. Точное, плавное движение рукой – и перепонка извлечена. Вита отправила важную улику в склянку и тут же запечатала ее синей пробкой.

Перепонку женщины постигла та же участь. Она отправилась в склянку с красной крышкой.

– Жаль, голос не различить, – в который раз сетовал Горелов. – Но хоть узнаем, что эти бедняги слышали перед смертью.

– Ты же знаешь, если убило закливание, я найду того, кто его произнес. – Вита аккуратно сложила обе склянки в рюкзак. Туда же отправила кейс с инструментами, схватила со стола шлем, ключ и направилась к выходу.

– Пришли мне материалы дела сегодня, – сказала она, закрывая дверь.

Горелов кивнул.

Она знала, что кивнул.

* * *

Проспект Мира, дом 13. Двадцать четвертый этаж
Пентхаус

15:40

«Трудным клиентом» Виталины числилась Ольга. Девуш-

ка не старше двадцати. У нее были проблемы с возвращением в социум после трагических событий в семье. Они же, по словам Ольги, оставили на ее лице ожог.

– Я хочу общения, – сообщила Ольга хриплым грудным голосом на первой онлайн-консультации. – Но все пьются. Так и хочется врезать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.